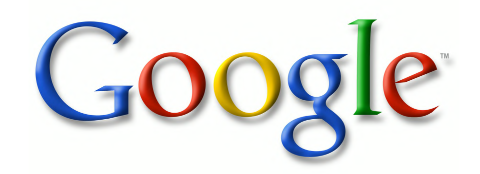
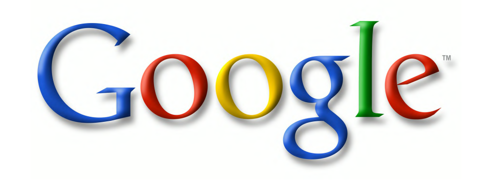

HDI
HL 1REZ V

СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ

ДѢЛО

о

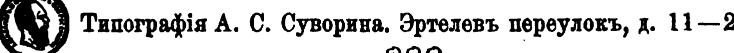
ВЗЫСКАНІИ АДМИНИСТРАЦІЕЙ ВДОВЫ ПОЛКОВНИКА

АПОЛИНАРІИ РОДСТВЕННОЙ

съ

БАРОНА ГОРАЦІЯ ГИНЦБУРГА

140,000 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ переулокъ, д. 11—2

1888

Dielo o' Vzyskanii ... apolinarii Podstvennoi

VC

СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ

ДѢЛО

О

ВЗЫСКАНІИ АДМИНИСТРАЦІЕЙ ВДОВЫ ПОЛКОВНИКА

АПОЛИНАРІИ РОДСТВЕННОЙ

СЪ

БАРОНА ГОРАЦІЯ ГИНЦБУРГА

140,000 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ переулокъ, д. 11—2
1888

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17-го іюня 1888 г.

СТЕНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТЧЕТЪ.

Дѣло о взысканіи администраціей вдовы полковника Аполинаріи Родственной съ барона Горація Гинцбурга 140,000 руб.

Засѣданіе перваго департамента петербургской судебной палаты 17-го мая 1888 года. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель департамента Мальчевскій; членами были гг. Матиссенъ и Фолендорфъ, который и докладывалъ дѣло. Въ засѣданіе явились: повѣренные администраціи присяжные повѣренные Борвенко и Люстичъ и повѣренный бар. Гинцбурга присяжный повѣренный Банкъ.

Сущность процесса излагается въ слѣдующемъ видѣ: Повѣренный администраціи, учрежденной по дѣламъ вдовы полковника Аполинаріи Родственной, присяжный повѣренный Люстихъ, обратился въ с.-петербургскій окружный судъ съ исковымъ прошеніемъ, въ коемъ объяснилъ, что Родственною выданы были три документа, а именно, одинъ на имя торговаго дома Е. I. Гинцбурга въ займѣ у него 139,150 руб. съ обезпеченіемъ неустойкой въ суммѣ 50,000 р., второй на имя барона Горація Гинцбурга, въ займѣ у него 138,600 р., платежъ коихъ обезпечивается залогомъ $6^1/_{12}$ паевъ, принадлежавшихъ Родственной въ удерейской золотопромышленной компаніи, и третій на его же, барона Г. Гинцбурга, имя въ займѣ у него 125,000 р., платежъ коихъ обезпечивается дивидендомъ съ $14^1/_2$ паевъ, арендуемыхъ Родственною въ удерейской компаніи; что всѣ эти договоры относятся къ одному займу, сдѣланному Родственною у Гинцбурга въ суммѣ 139,150 р., причемъ было условлено, что послѣдній, получивъ удовлетвореніе по одному изъ вышеозначенныхъ документовъ, остальные два возвращаетъ Родственной, что вслѣдствіе неполученія въ срокъ удовлетворенія по вышеупомянутому долгу, закладная на $6^1/_{12}$ паевъ и торговое обязательство на сумму 139,150 р. были предъявлены въ судъ ко взысканію, вслѣдствіе чего паи были переведены на имя барона Гинцбурга, полученные же исполнительные листы на взысканіе съ Родственной 220,041 руб. вмѣстѣ съ договоромъ на 125,000 р. переданы Гинцбургомъ подполковнику Бергу и представлены въ администрацію по дѣламъ Родственной для полученія по нимъ удовлетворенія; что получивъ удовлетвореніе въ своей претензіи обращеніемъ принятыхъ въ залогъ $6^1/_{12}$ паевъ удерейской компаніи въ свою собственность, баронъ Гинцбургъ не долженъ былъ пользоваться другими, выданными ему въ обезпеченіе того же долга, договорами; что передавъ Бергу договоръ на 125,000 р., не подлежавшихъ платежу, баронъ Гинцбургъ причинилъ администраціи по дѣламъ Родственной убытокъ въ этой суммѣ, ибо ей необходимо произвести платежъ долга, въ дѣйствительности несуществующаго, и что независимо отъ того, баронъ Гинцбургъ, получивъ удовлетвореніе отъ Родственной по поручительству ея за Бенардаки, маклерскую записку послѣдняго на продажу 5,500 полуимперіаловъ ей не передалъ и тѣмъ лишилъ ее возможности получить изъ учрежденнаго по дѣламъ Бенардаки опекунскаго управленія причитающіеся по этой запискѣ 15,000 р., въ каковой суммѣ администрація также несетъ убытокъ по винѣ барона Гинцбурга. На основаніи изложеннаго прис. пов. Люстихъ просилъ судъ: а) допросить указанныхъ имъ свидѣтелей объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ выдачу Родственной Гинцбургу вышеозначенныхъ документовъ; б) вытребовать отъ барона Гинцбурга предъявленія его торговыхъ книгъ за 1874 и 1875 гг., въ которыхъ записаны счеты Родственной и Бенардаки и в) присудить съ него же, барона Гинцбурга, въ пользу администраціи 140,000 р. съ процентами со дня предъявленія иска.

Оспаривая правильность предъявленнаго къ барону Гинцбургу иска, повѣренный послѣдняго, присяжный повѣренный Банкъ, въ поданномъ суду письменномъ объясненіи, между прочимъ, указалъ на то, что г-жа Родственная, въ лицѣ повѣреннаго своего, купца Ливена, какъ это видно изъ надписи, сдѣланной на договорѣ на сумму 125,000 р., изъявила согласіе на передачу этого договора подполковнику Бергу; что искъ администраціи представляется преждевременнымъ, такъ какъ по ея

объясненію выходитъ, что ей еще только необходимо произвести платежъ долга, т. е. дѣло идетъ не о послѣдовавшей уплатѣ, а о той, которая имѣетъ будто бы еще послѣдовать, но послѣдуетъ ли она въ дѣйствительности, когда и въ какомъ размѣрѣ, все это еще неизвѣстно и что возраженія администраціи о недѣйствительности долга по договору на сумму 125,000 р. должны быть противопоставлены администраціей тому лицу, которое требуетъ отъ нея платежа по этому договору, т. е. дочери г-жи Родственной, Лидіи Алексѣевнѣ Шанявской, которая пріобрѣла покупкой отъ Берга всѣ права по этому документу. Если администрація считаетъ права эти недѣйствительными, то должна отвѣтить заявленіемъ объ томъ на требованіе лица, домогающагося ихъ осуществленія; съ барономъ же Гинцбургомъ администрація не состоитъ ни въ какихъ юридическихъ отношеніяхъ и потому предъявлять къ нему иска не имѣетъ права. Предъявленіемъ этимъ администрація беретъ подъ свою защиту не ввѣренные ей интересы дочери лица, состоящаго подъ администраціей, г-жи Шанявской, совершенно измѣняетъ юридическія отношенія заинтересованныхъ лицъ и взаимное ихъ другъ къ другу положеніе, въ которое они должны были бы стать при болѣе правильной постановкѣ дѣла.

Окружной судъ, разсмотрѣвъ изложенное и выслушавъ объясненія сторонъ въ засѣданіи 16-го ноября 1887 года, признавая исковое требованіе администраціи не подлежащимъ удовлетворенію, опредѣлилъ: въ искѣ ея отказать и присудить съ имущества Родственной въ пользу барона Гинцбурга 1,547 руб. 68 к. за судебныя издержки.

Въ апелляціонной жалобѣ, принесенной на это рѣшеніе с.-петербургской судебной палатѣ, повѣренные администраціи излагаютъ, что признаютъ оное неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

Судъ признаетъ искъ администраціи недоказаннымъ, отвергая ссылку на свидѣтелей и торговыя книги отвѣтчика. Между тѣмъ:

1) Свидѣтели по настоящему дѣлу должны быть допущены: а) потому что по содержанію договора 20-го ноября 1875 года нельзя безусловно утверждать, что Гинцбургъ дѣйствительно внесъ 125 т. руб., о которыхъ идетъ въ договорѣ рѣчь: очевидно до подписанія онъ ихъ не вносилъ, а послѣ подписанія нѣтъ росписки въ уплатѣ ихъ; договоръ этотъ вовсе не долговой актъ, а товарищескій, на разработку находящихся въ арендѣ Родственной пріисковъ; б) споръ предъявленъ администраціею, по закону администрація учреждается только по требованію кредиторовъ (ст. 1869 устава торг.), кредиторы даютъ администраторамъ полномочіе на веденіе дѣлъ (тамъ-же ст. 1873), она замѣняетъ ихъ и является общимъ за нихъ ходатаемъ; кредиторы и замѣняющая ихъ администрація въ договорѣ Родственной съ Гинцбургомъ отъ 20-го ноября 1875 года не участвовали, они являются третьими лицами, потерпѣвшими отъ заключенія и, главнѣйшимъ образомъ, неправильнаго осуществленія договора; устраненіе свидѣтелей, когда имѣется формальный письменный договоръ, относится только до участниковъ этого договора и основано на предположеніи, что всѣ составныя части сдѣлки ими, согласно дѣйствительной ихъ волѣ, изложены въ письменномъ договорѣ, но когда рѣчь идетъ о столкновеніи такого договора съ правами третьихъ лицъ, въ заключеніи его не участвовавшихъ и не имѣвшихъ возможности на письмѣ оградить свои права, тогда ограниченіе въ представленіи доказательствъ, установленное ст. 409 и 410 уст. гр. суд., не должно имѣть мѣста; въ громадномъ большинствѣ случаевъ третьи лица только свидѣтельскими показаніями и могутъ доказать, что фактическая основа письменнаго договора не та, которая выражена въ самомъ договорѣ, и что договоръ этотъ имѣетъ предметомъ не реальную, а только симулированную сдѣлку. Правительствующій Сенатъ между прочимъ въ рѣшеніи 1883 года № 91 призналъ, что «106 и 140 ст. уст. гражд. суд., воспрещающія опровергать свидѣтельскими показаніями содержаніе письменныхъ документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ, и 409 ст., разрѣшающая принимать свидѣтельскія показанія въ доказательство только такихъ событій, для которыхъ, по закону, не требуется письменнаго удостовѣренія,—должны быть понимаемы въ томъ смыслѣ, что лица, участвующія въ актѣ, не вправѣ ссылаться на показаніе свидѣтелей, въ опровержение содержащейся въ актѣ сдѣлки, и доказывать свидѣтелями то, что должно быть по закону удостовѣрено письменнымъ документомъ; но правила эти не касаются третьихъ, неучаствовавшихъ въ немъ лицъ»...

«Третьи лица, въ договорѣ неучаствовавшія, могутъ свидѣтельскими показаніями доказывать полученіе кредиторомъ съ должника удовлетворенія въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ значится въ выданныхъ по сему поводу кредиторомъ письменныхъ документахъ». Слѣдовательно и наоборотъ: можно доказывать свидѣтелями, что кредиторъ не передалъ должнику суммы, значащейся въ выданномъ и подписанномъ имъ документѣ.

2) То обстоятельство, что на передачу договора 20-го ноября 1875 года Бергу изъявилъ отъ имени Родственной согласіе Петръ Ливенъ, не имѣетъ значенія, такъ какъ по представленной къ дѣлу со стороны отвѣтчика довѣренности Ливена, послѣдній на такую передачу не былъ уполномоченъ Родственною: цѣль выданной Ливену 1-го октября 1876 года довѣренности войти въ соглашеніе съ кредиторами Родственной объ отсрочкѣ платежа имъ долговъ, но принимать кого-либо въ компанію съ Родственною для эксплоатаціи находившихся въ ея арендѣ пріисковъ довѣренностью тою Ливену не предоставлено; передачею этою нисколько не мѣнялось положеніе Родственной: срокъ и обязательство тѣ-же, только замѣнялся одинъ кредиторъ другимъ.

3) Въ подтвержденіе того, что по договору

20-го ноября 1875 года Гинцбургъ никогда не платилъ Родственной 125 т. руб., мы ссылаемся на торговыя его книги; онъ возражаетъ, что въ 1874 и 1875 гг., состоя членомъ торговаго дома Евзеля Гинцбурга, онъ не производилъ торговыхъ операцій и не велъ торговыхъ книгъ отъ своего имени и что книги составляютъ коммерческую тайну, по ст. 529 уст. торг., не подлежащую оглашенію. Что касается перваго возраженія, то оно фактически невѣрно: существуетъ масса торговыхъ сдѣлокъ, совершенныхъ барономъ Гораціемъ Гинцбургомъ самостоятельно; по маклерскимъ запискамъ онъ лично пріобрѣталъ золото между прочимъ и отъ Родственной; онъ состоялъ купцомъ 1-й гильдіи; вообще въ теченіе десятка лѣтъ сношеній Родственной съ Гинцбургомъ она имѣла дѣло только лично съ барономъ Гораціемъ Гинцбургомъ, ни въ какихъ сношеніяхъ съ Евзелемъ Гинцбургомъ не была. Торговыя книги вообще, а банкирскія въ особенности, разумѣется, составляютъ тайну, ограждающую, однако, по преимуществу интересы кліентовъ банка; въ данномъ случаѣ администрація по дѣламъ Родственной, замѣняющая также и ее, ходатайствуетъ, чтобы тайна эта по отношенію къ Роственной была обнаружена, чтобы предъявленіемъ книгъ съ ея счетомъ было удостовѣрено, сколько въ дѣйствительности баронъ Горацій Гинцбургъ или торговый домъ бароновъ Гинцбургъ выдали денегъ Родственной и сколько за то получили съ нея непосредственно и путемъ уступки взятыхъ съ нея документовъ. Мы представили въ судъ къ дѣлу книгу Родственной, изъ которой видно, что она никакихъ денегъ отъ Гинцбурга по представленнымъ къ дѣлу договорамъ не получала, противъ книгъ этихъ Гинцбуръ ни по ст. 529 уст. торг., ни по ст. 449 уст. гр. суд. возражать не можетъ.

4) Отвѣтчикъ возражаетъ также, что администрація еще ничего не уплатила по договору 20-го ноября 1875 года, поэтому убытки ея отъ передачи договора Гинцбургомъ Бергу будущіе и искъ преждевременъ. Это невѣрно: изъ надписи на договорѣ видно, что Бергъ получилъ изъ администраціи болѣе 60 тыс. руб. до передачи своихъ правъ г-жѣ Шанявской; сверхъ того, преемницѣ его правъ, женѣ генералъ-маіора Шанявской, съ 1877 г. уплачена еще значительная часть значащихся по этому договору внесенными денегъ. Сама же г-жа Шанявская пріобрѣла отъ Берга обязательство барона Гинцбурга, вознаградивъ Берга уступкой ему паевъ въ Зейской, Верхне-Зейской и Моготской золотопромышленныхъ компаніяхъ. Противъ преемниковъ правъ Гинцбурга администрація спорить не могла, такъ какъ они являлись третьими лицами, въ первоначальномъ соглашеніи не участвовавшими и добросовѣстно пріобрѣвшими права, договоромъ 20-го ноября 1875 года установленныя, относительно которыхъ самъ Гинцбургъ, однако, точно зналъ, что они не имѣютъ реальной основы, что дѣйствительность вовсе не соотвѣтствуетъ тому, что изложено въ договорѣ.

5) Администрація по дѣламъ А. И. Родственной предъявляетъ настоящій искъ къ барону Горацію Евзеевичу Гинцбургу на томъ основаніи, что здѣсь оспаривается дѣйствительность договора, заключеннаго вдовою полковника А. И. Родственною съ барономъ Г. Е. Гинцбургомъ. Не подполковникъ Бергъ, которому баронъ Гинцбургъ передалъ оспариваемыя обязательства, не жена генералъ-маіора Л. А. Шанявская являются отвѣтчиками по настоящему иску, но самъ баронъ Гинцбургъ. Правильность предъявленія настоящаго иска основана на законѣ и положеніяхъ судебной практики. По ст. 2058, т. X, ч. I заимодавецъ воленъ передать другому, кто похочетъ заплатить ему деньги свои за заемщика и принять все право ко взысканію, но, говоритъ гражданскій кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената въ рядѣ рѣшеній (1673 г. № 1664, 1875 г. № 599 и 1879 г. № 368), «передавшій,—въ данномъ случаѣ баронъ Гинцбургъ,— не освобождается отъ отвѣтственности, если обязательство окажется *недѣйствительнымъ*». Настоящій искъ есть искъ о недѣйствительности обязательства, заключеннаго А. И. Родственной съ барономъ Г. Е. Гинцбургомъ, и, какъ таковой, ни къ кому другому не можетъ быть предъявленъ, какъ къ самому барону Г. Е. Гинцбургу, отвѣчающему за дѣйствительность обязательства, имъ составленнаго и имъ переданнаго, а слѣдовательно и за убытки, причиненные вслѣдствіе признанія такого обязательства недѣйствительнымъ, которое реализовано было въ полной стоимости самимъ барономъ Гинцбургомъ.

На основаніи изложеннаго апелляторы просятъ судебную палату: 1) допросить указанныхъ свидѣтелей, которые могутъ подтвердить, что всѣ три договора, совершенные между Гинцбургомъ и Родственною въ ноябрѣ 1875 года, имѣли цѣлью покрыть ранѣе существовавшій долгъ въ 138 тыс. руб. и что Гинцбургъ, воспользовавшись однимъ изъ нихъ, долженъ былъ остальные два возвратить Родственной; 2) присудить администраціи по дѣламъ Родственной съ барона Гинцбурга 140 тыс. руб. съ проц. со дня предъявленія иска, и 3) обратить на него судебныя издержки и вознагражденіе за веденіе дѣла.

Въ объясненіи на возраженія противной стороны повѣренные истицы, повторяя юридическія соображенія, приведенныя съ апелляціонной жалобѣ, возражаютъ также и противъ нравственныхъ соображеній, приводимыхъ отвѣтчикомъ.

Въ возраженіи на апелляціонную жалобу и на объясненія истцовъ, повѣренный отвѣтчика, прис. повѣр. Банкъ, выставляетъ слѣдующія положенія:

Администрація Родственной въ лицѣ своего повѣреннаго, Борзенко, признаетъ необходимымъ остановиться прежде всего на нравственной сторонѣ дѣла. До сихъ поръ истица на судѣ и въ состязательныхъ бумагахъ не возбуждала вопросовъ моральныхъ, а, основываясь, хотя и неправильно, на 684 ст.

т. X. ч. I, требовала присужденія съ отвѣтчика убытка за передачу договора 20-го ноября въ суммѣ 125 т. р. Нравственная сторона дѣла выдвигается мною въ судебной палатѣ на первый планъ, по требованію моего довѣрителя, барона Гинцбурга, въ виду особенныхъ пріемовъ, пущенныхъ въ ходъ по настоящему дѣлу дѣятелями администраціи и лицами, скрывающимися за администраціею, пріемовъ, едва ли соотвѣтствующихъ требованіямъ морали, о которой теперь заговорила истица. Пріемы эти, къ счастью, рѣдко встрѣчаемые въ судебной практикѣ, заключаются въ составленіи и печатаніи тенденціозныхъ, якобы стенографическихъ отчетовъ о судебномъ засѣданіи, въ печатаніи въ періодическихъ листкахъ статей самаго возмутительнаго содержанія, выставляющихъ противную сторону грабителемъ, Шейлокомъ, въ распространеніи таковыхъ статей и брошюръ всевозможными способами и проч. — и все это дѣлается послѣ неудовлетворительнаго для истца рѣшенія первой инстанціи, въ виду предстоящаго разбора дѣла въ высшей инстанціи. Цѣль всѣхъ этихъ литературныхъ трудовъ слишкомъ понятна, чтобы стоило о ней распространяться. Но разъ администрація и съ своей стороны заговорила о морали, то да позволено мнѣ будетъ поставить вопросъ: кто именно говоритъ въ данномъ случаѣ о нравственности? Но кто же эта администрація Родственной, чьи интересы она теперь представляетъ и изъ какихъ кредиторовъ Родственной она состоитъ? Кто эти высоконравственные дѣятели, которые позволяютъ себѣ выставлять честныя имена къ позорному столбу? Этотъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе. Ссылаясь на данныя, представляемыя при настоящемъ объясненіи, на судебный матеріалъ, представляемый самою истицею, я утверждаю, что въ настоящее время администрацію въ сущности составляютъ дочь г-жи Родственной, Шанявская, и ея супругъ, компаньонъ гг. Шанявскихъ, г. Бергъ, и, быть можетъ, еще два, три кредитора, скупившіе въ продолженіе двѣнадцатилѣтняго существованія администраціи претензіи прочихъ кредиторовъ Родственной. Если утверждаемые мною факты не вѣрны, то прошу повѣренныхъ противной стороны представить *подлинныя книги, списки кредиторовъ и постановленія общихъ собраній* кредиторовъ по дѣламъ администраціи Родственной, которые легко могли бы опровергнуть правильность моихъ указаній. Интересы администраціи Родственной, гг. Шанявскихъ и Берга, въ такой степени переплетены и смѣшаны, что становится, наконецъ, непонятнымъ, съ кѣмъ именно ведетъ настоящій искъ баронъ Гинцбургъ: съ истицею ли, показанною въ исковомъ прошеніи, т. е. съ администраціею, съ Родственной или съ гг. Шанявскими и Бергомъ. Такъ, въ вину барону Гинцбургу ставятся въ одно и то же время передача документа Бергу, дорогая, якобы, покупка этого документа отъ г. Берга г-жею Шанявскою, потеря послѣднею полмилліона прибылей, кои она могла бы получить по золотопромышленнымъ паямъ, уступленнымъ ею Бергу, уплата администраціею г-жѣ Шанявской изъ суммъ первой 17 тыс. рублей и проч. Подлинный документъ, договоръ 20-го ноября, очутился въ рукахъ администраціи безъ всякой надписи на ономъ Шанявской о полученіи ею отъ администраціи какихъ-либо платежей; въ той же администраціи находятся счета г. Берга на полученныя имъ отъ компанейскихъ операцій его и гг. Шанявскихъ прибыли и проч., и проч. Дѣятели администраціи Родственной, говоря о нравственности, совершенно обходятъ молчаніемъ всѣ доводы и факты, выставляющіе въ настоящемъ свѣтѣ возникновеніе, учрежденіе администраціи и дальнѣйшую ея дѣятельность, несомнѣнно доказывающую, что за администраціею дѣйствуютъ гг. Шанявскіе. Представляемыя къ настоящему дѣлу новыя данныя, равно какъ и документы, представленные г. Борвенко, даютъ мнѣ поводъ и основаніе коснуться снова этого вопроса, который имѣетъ для интересовъ моего довѣрителя существенное значеніе.

Изъ этихъ фактовъ и документовъ явствуетъ, что дѣла Родственной, ведшей въ продолженіе многихъ лѣтъ огромныя золотопромышленныя предпріятія, прибѣгавшей къ кредиту на громадныя суммы и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ (см. мировую сдѣлку администраціи Родственной съ опекой Бенардаки) въ 1874 и 1875 гг., пришли въ разстройство. Осенью 1876 года Родственная, совмѣстно съ ея уполномоченнымъ Ливеномъ, завѣдывавшимъ всѣми ея дѣлами и пользовавшимся ея неограниченнымъ довѣріемъ, остановились на планѣ добиться учрежденія по ея дѣламъ администраціи, которая дала бы Родственной возможность и способы болѣе или менѣе выгоднаго погашенія долговъ. По объясненію повѣреннаго истицы, Родственная отправляется вслѣдъ за этимъ на пріиски, въ тайгу, подальше отъ кредиторовъ, а на сцену выступаетъ Ливенъ съ самыми обширными полномочіями, доходящими, по сознанію самой истицы, до снабженія его Родственною бланковою подписью для будущаго баланса, имѣющаго быть составленнымъ и представленнымъ кредиторамъ не на основаніи торговыхъ книгъ, какъ того требуетъ законъ, а смотря по обстоятельствамъ. Фактъ выдачи Родственною подобнаго бланка—самъ по себѣ невѣроятенъ и, повидимому, приводится теперь администраціею Родственной только какъ крайнее средство защиты. Дѣло въ томъ, что на этомъ балансѣ, подписанномъ Родственной и подлинность подписи коей засвидѣтельствована мѣстной властью, на первомъ планѣ значатся долговые документы Гинцбурга и показаны эти документы переданными Бергу, а слѣдовательно всякій споръ Родственной и ея администраціи противъ правильности этой передачи долженъ отпадать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякія требованія объ убыткахъ, причиненныхъ Гинцбургомъ такой передачей. Но если и повѣрить объясненію истицы, то не доказываетъ ли самый фактъ снабженія

Ливена таковыми бланками и облеченіе последняго подобными полномочіями всю явную несправедливость иска къ Гинцбургу за передачу документа Бергу, съ согласія Ливена; выдача таковаго бланка не свидѣтельствуетъ ли о высшей степени довѣрія, которымъ пользовался и былъ облеченъ Ливенъ и могъ ли баронъ Гинцбургъ допустить мысль, что передача документа при такихъ условіяхъ послужитъ впослѣдствіи основаніемъ для всевозможныхъ противъ него обвиненій? Вмѣсто сбивчивыхъ и неправдоподобныхъ объясненій, администраціи слѣдовало бы предъявить торговыя книги г-жи Родственной, которыя несомнѣнно велись въ ея главной конторѣ и которыя должны были быть переданы въ администрацію по ея дѣламъ. Но какъ бы то ни было, а съ помощью этого баланса и претензій, пріобрѣтенныхъ Бергомъ отъ Гинцбурга, по инціативѣ и съ согласія Ливена, сей послѣдній составляетъ большинство въ пользу Родственной, и администрація учреждается не въ Сибири, гдѣ изъ всего числа кредиторовъ Родственной, а именно 60-ти человѣкъ, проживаетъ 47 на сумму претензій около 850 т. р., а въ Москвѣ, гдѣ пребываетъ не болѣе 6-ти кредиторовъ, зато въ ихъ числѣ находятся гг. Шанявскіе, Бергъ по документамъ своимъ и пріобрѣтеннымъ имъ отъ Гинцбурга и самъ Ливенъ. Жалобы на московскій коммерческій судъ многихъ кредиторовъ (Данилова, Матонина, Иваницкаго и Цыбульскаго) на неправильное учрежденіе по дѣламъ Родственной администраціи вообще и въ особенности на учрежденіе администраціи въ Москвѣ, на избраніе Ливена въ администраторы, кредиторовъ, очевидно, не знавшихъ въ то время обнаруженной нынѣ, спустя 12 лѣтъ, тайны возникновенія баланса, высказывавшихъ однако уже тогда предположеніе о томъ, что балансъ Родственной умышленно ложенъ (см. жалобу Матонина), не были уважены Правительствующимъ Сенатомъ исключительно по формальному основанію, а именно потому, что онѣ были направлены непосредственно въ Правительствующій Сенатъ (см. указъ 13-го октября 1878 года, № 2235).

Но при этомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что съ возраженіями въ Правит. Сенатѣ противъ жалобы означенныхъ кредиторовъ выступили и доказывали правильность учрежденія администраціи гг. кредиторы: генералъ-маіоръ Шанявскій и Бергъ. Затѣмъ, когда первый натискъ недовольныхъ кредиторовъ былъ удачно отраженъ, когда съ болѣе назойливыми кредиторами заключены разнородныя сдѣлки и соглашенія, на которыя администрація по акту уполномочія отъ 17-го мая 1877 года, прилагаемому при семъ въ копіи, не была уполномочена, когда, наконецъ, гг. Шанявскіе заняли преобладающее положеніе, замѣнили собою фактически администрацію, получивъ въ свое распоряженіе на все время существованія послѣдней всѣ дѣла и все имущество Родственной и, слѣдовательно, далѣе скрывать дѣйствительное происхожденіе администраціи болѣе не къ чему, опять выступаетъ или выводятъ на сцену г-жу Родственную, которая начинаетъ дѣлать разоблаченія о минувшихъ дѣяніяхъ ея и повѣреннаго ея Ливена, направленныя къ возстановленію заднимъ числомъ нарушенныхъ интересовъ кредиторовъ Родственной, коими являются уже въ настоящее время главнымъ образомъ гг. Шанявскіе и Бергъ, пріобрѣтатели претензій Гинцбурга. Эти разоблаченія, имѣющія несомнѣнное бытовое значеніе, рисуя въ настоящемъ свѣтѣ пріемы, съ помощью которыхъ могутъ быть приведены къ благополучному окончанію самыя запутанныя долговыя дѣла съ наименьшими жертвами, ни въ чемъ, однако, не касаются барона Гинцбурга, который наотрѣзъ отказался участвовать въ учрежденіи по дѣламъ Родственной администраціи. Но если таковъ истинный ходъ и такова дѣйствительная подкладка дѣлъ администраціи Родственной, то подобаетъ ли дѣятелямъ администраціи выступать съ обвиненіями противъ барона Гинцбурга и взывать и требовать свѣта, котораго будто бы баронъ Гинцбургъ боится. Въ чемъ заключается вина послѣдняго? Признавая въ исковомъ прошеніи, что, при сведеніи разсчетовъ въ 1875 году при выдачѣ Родственной трехъ документовъ въ обезпеченіе, Родственная была должна Гинцбургу 139 т. р., администрація, по мѣрѣ удаленія отъ времени подачи иска, постоянно съуживаетъ свои признанія, уменьшаетъ свой долгъ и, наконецъ, утверждаетъ уже, что три документа были выданы не за долгъ, а за отсрочку долга. Мною представлены неоспоримыя доказательства, *что баронъ Гинцбургъ не получилъ до сего времени признанныхъ въ исковомъ прошеніи 139 т. р.* Нынѣ повѣренный администраціи, причисляя прибыли по паямъ удерейской компаніи за послѣднюю операцію 1887 года, находитъ, что Гинцбургъ въ настоящее время получилъ болѣе 139 тыс. руб., такъ какъ, по заявленію управляющаго удерейской компаніею, т. е. въ сущности повѣреннаго Шанявскаго, Гинцбургъ получилъ дивиденда съ 1877 по текущій годъ 81,900 руб. Между тѣмъ изъ представленнаго мною счета удерейской компаніи, составленнаго на основаніи отчетовъ компаніи, находящихся въ рукахъ администраціи Родственной, видно, что валовой прибыли за 11 лѣтъ по паямъ, т. е. не считая процентовъ на оборотный капиталъ, расходовъ по переводу денегъ и полученію золота получено Гинцбургомъ всего 63,910 р. 72 к. Но если ставить на счетъ барону Гинцбургу барыши отъ паевъ, то нельзя же не признавать за нимъ права хотя бы на указные 6% на остальную, за исключеніемъ полученныхъ отъ Берга 60 т. р., сумму долга, признаннаго самою истицею и убытокъ за одинъ изъ операціонныхъ годовъ, а въ такомъ случаѣ дѣйствительная прибыль отъ паевъ, которая можетъ быть принята въ разсчетъ при опредѣленіи того, что поступило къ Гинцбургу изъ имущества Родственной, составитъ около 108 т. р. Всѣ эти соображе-

нія мой противникъ обходитъ молчаніемъ. Вообще, толкуя о морали, не слѣдовало бы забывать, что самая элементарная справедливость требуетъ при оцѣнкѣ дѣйствій барона Гинцбурга по отношенію къ Родственной, разсчета его съ Родственною въ 1875 году и окончанія разсчетовъ въ 1876 году, имѣть въ виду условія и обстоятельства современныя, сопровождавшія эти дѣйствія и разсчеты. Въ самомъ дѣлѣ, спустя 12 лѣтъ, ставятъ барону Гинцбургу въ счетъ прибыли, полученныя имъ послѣ перехода къ нему 6¹/₁₂ пая въ удерейской компаніи, но еслибъ взамѣнъ прибылей операціи дали бы убытокъ, развѣ гг. Шанявскіе возмѣстили бы эти убытки барону Гинцбургу? Имѣетъ ли какой-нибудь смыслъ ставить въ вину Гинцбургу то обстоятельство, что Шанявская, покупая у Берга претензіи, уплатила ему паями, по коимъ Бергъ получилъ будто бы впослѣдствіи полмилліона рублей, о чемъ обязательно удостовѣряетъ компаньонъ гг. Шанявскихъ— г. Бергъ. Оцѣнивая согласіе Ливена, администрація Родственной ссылается теперь на возникшіе, три года спустя, распри и процессы между Ливеномъ и гг. Шанявскими, хотя та же администрація Родственной, постановленіемъ отъ 17-го марта 1879 года, признала всѣ дѣйствія Ливена правильными. Но самъ баронъ Гинцбургъ поставилъ вопросъ о дѣйствительномъ обогащеніи его на счетъ Родственной, на почву самую для него невыгодную, т. е. изъявилъ готовность принять въ основаніе разсчета, полученнаго имъ по сдѣлкѣ съ Бергомъ и Ливеномъ, изъ имущества Родственной, не одну только современную стоимость паевъ, но и всѣ доходы, полученные имъ по этимъ паямъ и теперешнюю ихъ стоимостью, а въ результатѣ оказывается, какъ объ этомъ подробно объяснено ниже, что оплаченные Бергомъ за уступку претензій 60 т. р., чистый доходъ отъ паевъ за 10 лѣтъ и теперешняя стоимость паевъ не представляютъ полнаго покрытія 139 т. р., разумѣется, если администрація великодушно согласится разрѣшить Гинцбургу насчитывать проценты, хотя бы указные, на оборотный капиталъ по паямъ и на остальную, за уплатой Бергомъ 60 т. р., сумму долга. Не смотря на столь ясную постановку вопроса, на положительное выясненіе того, что не можетъ быть рѣчи о незаконномъ обогащеніи Гинцбурга на счетъ Родственной, дѣятели администраціи продолжаютъ утверждать, что баронъ Гинцбургъ однимъ фактомъ полученія отъ Родственной въ обезпеченіе трехъ документовъ и передачею двухъ изъ нихъ причинилъ администраціи Родственной убытокъ на громадную сумму и едва ли не разорилъ бѣдную должницу. Между тѣмъ изъ представляемыхъ при семъ двухъ писемъ повѣреннаго администраціи Родственной, присяжнаго повѣреннаго Люстиха, отъ 21-го мая и 23-го октября 1885 года, предъявившаго настоящій искъ, и изъ удостовѣренія судебнаго пристава с.-петербургскаго окружного суда, отъ 13-го января 1882 года, № 7, судебная палата усмотритъ, что спустя пять лѣтъ послѣ предъявленія въ окружномъ судѣ иска на 140 т. р. и четыре года послѣ несостоявшагося третейскаго суда, *администрація Родственной и опять-таки Шанявскій, видимо изъявляютъ желаніе и готовность окончить дѣло на суммѣ 15,251 руб.* съ процентами 5-го сентября 1878 года, т. е. на той суммѣ, которая была присуждена барону Гинцбургу и взыскана имъ по другому дѣлу о неправильномъ удержаніи администраціею Родственной ассигновокъ на золото Гинцбурга. Какъ согласить это скромное требованіе и при томъ въ то время, когда тяжелыя времена для Родственной, по ея словамъ, уже миновали, съ теперешними возгласами о разореніи барономъ Гинцбургомъ Родственной на сотни тысячъ рублей и проч. Не сводятся ли, такимъ образомъ, рамки всего настоящаго дѣла, требованіе 140 т. р. мнимыхъ убытковъ и проч., въ сущности къ скромной цифрѣ 17—18 т. р., въ уплатѣ которой администраціи и Шанявскому Гинцбургъ отказалъ. Если баронъ Гинцбургъ не согласился на это предложеніе, то единственно потому, что считалъ требованіе несправедливымъ и находилъ вмѣшательство г. Шанявскаго въ дѣло совершенно неумѣстнымъ.

Повѣренный администраціи, настаивая на допросѣ свидѣтелей и истребованіи отъ отвѣтчика торговыхъ книгъ, взываетъ къ свѣту, требуетъ болѣе свѣта, обвиняетъ моего довѣрителя въ свѣтобоязни. Ниже мною будетъ указано, что эти требованія истицы, помимо ихъ незаконности, отнюдь не оправдываются и не вызываются обстоятельствами дѣла, какъ они установлены самими сторонами, а могутъ развѣ дать матеріалъ для новыхъ литературныхъ трудовъ. Барону Гинцбургу не приходится бояться показаній свидѣтелей и скрывать свои торговыя книги, но нельзя же требовать отъ отвѣтчика простиранія его любезности предъ истцомъ до удовлетворенія всякихъ его, хотя бы самыхъ незаконныхъ, требованій, по явно неправильному и несправедливому иску. Первоначально истица домогалась допроса свидѣтелей и представленія торговыхъ книгъ, въ подтвержденіе того, что Родственною получено всего 139 тыс. руб. при выдачѣ ею трехъ обезпечительныхъ документовъ, по которымъ Гинцбургъ имѣлъ право получить полное удовлетвореніе долга, т. е. 139 т. р.; нынѣ же, въ виду несомнѣнной доказанности того, что въ *сущности баронъ Гинцбургъ не получилъ даже этихъ 139 т. р.*, повѣренный администраціи требуетъ уже допроса свидѣтелей по обстоятельствамъ, кои никакого прямого отношенія къ предмету спора не имѣютъ. При этомъ, конечно, имѣется въ виду лишь поразить отвѣтчика показаніемъ свидѣтелей, что баронъ Гинцбургъ и торговый домъ І. Е. Гинцбургъ въ обезпеченіе долга въ 139 т. р. получили три документа, какъ будто другіе банкиры и кредитныя учрежденія—коммерческія, поземельныя и проч., не исключая и оффиціальныхъ, казенныхъ, не пользуются подобнымъ средствомъ обезпеченія долга,

какъ будто Гинцбургъ сочинялъ и облекалъ въ ту или другую форму обезпечительные документы, а не присяжный повѣренный Остряковъ совмѣстно съ повѣренными Родственной. Вѣдь для нравственной стороны, которая здѣсь главнымъ образомъ имѣется въ виду, рѣшающее значеніе имѣетъ не взятіе документовъ, а противозаконное присвоеніе документовъ, извлеченіе изъ нихъ неправильныхъ или несправедливыхъ выгодъ во вредъ должнику. Что-же касается торговыхъ книгъ, то мои объясненія въ окружномъ судѣ заключали въ себѣ отвѣтъ на требованіе въ томъ видѣ, какъ оно было формулировано въ исковой,—требованіе о предъявленіи Гинцбургомъ его торговыхъ книгъ за 1874 и 75 гг.— и я именно указывалъ, что баронъ Гинцбургъ лично въ то время отъ своего имени торговыхъ книгъ не велъ, что въ виду состоянія его въ означенные годы участникомъ фирмы І. Е. Гинцбургъ, операціи, кои касались и торговаго дома, записывались въ книгахъ послѣдняго. Идти на встрѣчу истицѣ, даже при отсутствіи прямого о семъ требованія и представить книги торговаго дома І. Е. Гинцбургъ, я не считалъ себя вправѣ. Нынѣ же, по требованію довѣрителя, представляю при семъ выписку изъ книгъ. Но, повторяю, что въ виду содержанія и формулировки исковыхъ требованій истицы о вознагражденіи ея за убытки, причиненные ей неправильной передачей документа Бергу на 125 т. р.,—ни свидѣтельскія показанія, ни содержаніе торговыхъ книгъ не имѣютъ рѣшительно никакого значенія для дѣла.

Вѣдь истица, толкующая теперь о нравственной сторонѣ дѣла, не требуетъ присужденія или возврата ей барономъ Гинцбургомъ тѣхъ суммъ, которыя онъ извлекъ или получилъ на основаніи документовъ Родственной, такъ какъ въ такомъ случаѣ оказалось бы, *что ничего лишняго Гинцбургъ не получилъ*, а упорно отыскиваетъ убытки, причиненные передачей документа, причемъ за норму убытковъ принимается сумма, обозначенная въ договорѣ 20-го ноября, т. е. 125 т. р.

Для пополненія моральной стороны этого дѣла, противникъ мой указываетъ на уклоненіе барона Гинцбурга отъ третейскаго суда подъ разными будто-бы предлогами, въ томъ числѣ и подъ предлогомъ неимѣнія довѣренности отъ торговаго дома Гинцбурга, причемъ такое неимѣніе было имъ открыто только въ ту минуту, когда избранный третейскій судья прибылъ на засѣданіе. Конечно, если третейское разбирательство не состоялось, то къ этому долженъ былъ существовать извѣстный поводъ. Послѣдній заключался въ томъ, что между г-жей Родственной и барономъ Гинцбургомъ стало другое лицо, опять-таки г. Шанявскій, отъ коего исходила и иниціатива третейскаго разбирательства и съ коимъ онъ не имѣлъ никакихъ отношеній. Все же остальное объясненіе моего противника по этому предмету лучше всего опровергается представляемой при семъ перепиской барона Гинцбурга съ А. Ѳ. Кони и К. К. Арсеньевымъ и можетъ быть выяснено допросомъ указываемыхъ самой истицею по сему вопросу лицъ, какъ Стасова, Кони и другихъ».

Останавливаясь затѣмъ на юридической сторонѣ дѣла, отвѣтчикъ утверждалъ въ окружномъ судѣ и нынѣ утверждаетъ, что ходатайство истицы о допросѣ свидѣтелей и о представленіи торговыхъ книгъ, по закону, не можетъ подлежать удовлетворенію по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Въ исковомъ прошеніи повѣренный администраціи прямо и положительно утверждаетъ, что договоръ Родственной съ барономъ Гинцбургомъ, передачей коего, по заявленію истицы, причиненъ ей убытокъ въ суммѣ 125 т. руб., выданъ на имя его, Гинцбурга, *въ займъ* у послѣдняго 125 тыс. руб., платежъ которыхъ обезпечивается дивидендомъ на $14^{1}/_{2}$ паевъ, арендованныхъ Родственной въ удерейской компаніи, и что администраціи причиненъ убытокъ въ означенной суммѣ, ибо ей необходимо произвести платежъ *долга*, въ дѣйствительности не существующаго. Между тѣмъ въ апелляціонной жалобѣ повѣренные той же администраціи утверждаютъ, что упомянутый договоръ вовсе не долговой актъ, а товарищескій—на разработку находившихся въ арендѣ у Родственной пріисковъ. Спрашивается, какому изъ объясненій повѣренныхъ администраціи слѣдуетъ придавать значеніе? Во всякомъ случаѣ содержаніе нотаріальнымъ порядкомъ совершенныхъ актовъ какъ въ займѣ денегъ, такъ и о товариществѣ—не подлежитъ оспариванію путемъ свидѣтельскихъ показаній (Уст. гр. суд., ст. 409 и 410).

Въ настоящемъ же дѣлѣ ссылка на свидѣтелей сдѣлана истицею именно въ видахъ и съ цѣлью опроверженія содержанія акта, совершеннаго нотаріальнымъ порядкомъ. Апелляторъ настаиваетъ на правѣ администраціи оспаривать содержаніе формальныхъ актовъ, совершенныхъ должникомъ, опираясь на юридической природѣ администраціи, на роли послѣдней въ процессѣ въ качествѣ третьяго лица. Но всѣ разсужденія, приведенныя въ апелляціонной жалобѣ по сему предмету, не могутъ быть признаны правильными. На основаніи дѣйствующихъ относительно торговой администраціи узаконеній (ст. 1873—1876 т. XI, ч. 2) и разъясненій, данныхъ гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ Правительствующаго Сената въ рѣшеніяхъ 1878 г. за №№ 216, 264 и другихъ и 4-го департамента Сената въ многочисленныхъ рѣшеніяхъ (Собр. рѣшеній Носенко, т. III, № 450, т. II, № 957, т. V, стр. 154, рѣшеніе 19-го апрѣля 1882 года по дѣлу торговаго дома Лопатиныхъ съ администраціею Орлова и другихъ), администрація является представительницею должника и уподобляется опекѣ; въ отличіе отъ конкурса, она дѣйствуетъ именемъ хозяина — должника съ цѣлью предупредить объявленіе несоотоятельности; она учреждается и дѣйствуетъ въ силу соглашенія между *большинствомъ* наличныхъ кредиторовъ и должникомъ неисправнымъ, но еще не объявленнымъ несостоя-

тельнымъ; объ отсрочкѣ послѣднему на неопредѣленное время платежа его долговъ съ предоставленіемъ заимодавцамъ права *участія въ управленіи его дѣлами*. Какъ представительница правъ и обязанностей должника, администрація не имѣетъ права, подобно конкурсу, отказываться отъ исполненія договоровъ, заключенныхъ должникомъ по причинѣ ихъ невыгодности или убыточности для кредиторовъ, но вправѣ оспаривать договоры и сдѣлки или отказываться отъ исполненія оныхъ лишь настолько, насколько таковое право принадлежало бы самому должнику, при отсутствіи учрежденія по дѣламъ его администраціи. По отношенію къ третьимъ лицамъ или къ контрагентамъ должника, администраціи закономъ не предоставлено никакихъ особыхъ правъ матеріальныхъ или процессуальныхъ, такихъ правъ, кои не принадлежали бы самому должнику. А посему администрація не можетъ быть разсматриваема, какъ третье лицо, имѣющее особыя права по отношенію къ оспариванію договоровъ и сдѣлокъ, заключенныхъ должникомъ до учрежденія администраціи. Во всякомъ случаѣ, кредиторы, даже и по объявленіи должника несостоятельнымъ, имѣютъ право оспаривать акты и договоры, совершенные должникомъ, дѣйствуя и пользуясь при этомъ правами третьяго лица, лишь въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, а именно, когда дѣйствія должника и его контрагента были направлены ко вреду кредиторовъ и умышленно клонились къ уменьшенію или сокрытію имущества должника. Въ настоящемъ же дѣлѣ администрація не утверждаетъ, чтобы Родственная, выдавая оспариваемый нынѣ документъ, или Гинцбургъ, получая таковой, преслѣдовали какія-нибудь цѣли, направленныя ко вреду кредиторовъ Родственной. Если же разсматривать споръ администраціи какъ требованіе, вытекающее изъ неисполненія барономъ Гинцбургомъ извѣстнаго обязательства, принятаго имъ предъ Родственной, то по отношенію къ таковому спору администраціи очевидно могутъ принадлежать только тѣ же права, кои принадлежали бы самой Родственной, такъ какъ въ сущности настоящій искъ и исходитъ именно изъ существованія этого обязательства. Слѣдовательно, о правахъ администраціи Родственной въ данномъ случаѣ, какъ третьяго лица, не можетъ быть и рѣчи, и какъ по отношенію самой Родственной, такъ и по отношенію къ учрежденной по ея дѣламъ администраціи, дѣйствіе ст. 409 и 410 Уст. гр. суд. должно имѣть полное примѣненіе.

2) Апелляторы оспариваютъ силу и значеніе согласія, изъявленнаго Ливеномъ, по довѣренности и отъ имени Родственной,—на передачу барономъ Гинцбургомъ Бергу договора 20-го ноября 1875 года на томъ основаніи, что будто бы Ливенъ вышелъ изъ предѣловъ довѣренности. Выше мною указано, что въ исковой договору 20-го ноября присвоивается истицею значеніе *долгового акта*; выдачею этого акта, по объясненію самой же истицы, имѣлось въ виду обезпечить кредитору вѣрность платежа долга Родственной, а передачею этого документа Бергу, выражаясь словами апелляторовъ, «ни сколько не измѣнялось положеніе Родственной, сроки и обязательства остались тѣ же, а только замѣнялся одинъ кредиторъ другимъ». Споръ же въ настоящемъ дѣлѣ идетъ не о неправильности передачи Гинцбургомъ Бергу правъ и обязанностей, принадлежавшихъ первому по договору *въ качествѣ компаніона Родственной*, а исковое требованіе основано и мотивируется передачею документа, устанавливающаго, по объясненію истицы, «обязательность для послѣдней *уплаты долга* въ суммѣ 125 т. р., котораго въ дѣйствительности не существовало». Между тѣмъ, содержаніе двухъ довѣренностей, выданныхъ Родственной Ливену 26-го августа 1875 г. и 1-го октября 1876 г. показываетъ, что Ливенъ первоначально былъ уполномоченъ Родственной на управленіе всѣми золотыми пріисками, принадлежащими ей лично и въ компаніи съ другими участниками, на управленіе вмѣсто нея, въ качествѣ очередного директора, дѣлами удерейской компаніи, съ самыми обширными полномочіями, правомъ кредитоваться и прочее; что затѣмъ осенью 1876 года Родственная возложила на Ливена спеціальное порученіе, а именно: вести переговоры съ ея кредиторами въ Москвѣ, Петербургѣ и Сибири, причемъ Ливену предоставлено было полное право, въ случаѣ надобности, входить въ соглашеніе съ кредиторами относительно отсрочекъ, *перезаключать заключенныя Родственной условія и заключать новыя* и т. д. Въ виду содержанія двухъ довѣренностей, выданныхъ Ливену, и указанія апелляціонной жалобы на то, что цѣль выданной Ливену 1-го октября 1876 г. довѣренности состояла въ достиженіи соглашенія *съ кредиторами*—объ отсрочкѣ платежа имъ долговъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что отрицаніе апелляторами за Ливеномъ права изъявить согласіе на передачу упомянутаго документа Бергу, на замѣну одного кредитора другимъ, стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ содержаніемъ искового прошенія и со всею формулировкой настоящаго иска. Независимо отъ сего, о превышеніи Ливеномъ полномочія въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи, потому что по объясненію самой истицы, соглашеніе Гинцбурга съ Ливеномъ касалось не одного договора 20-го ноября на 125 т. руб., а трехъ документовъ, что результатомъ соглашенія явилось совершенное прекращеніе юридическихъ отношеній Родственной къ Гинцбургу и торговому дому I. Е. Гинцбургъ и вступленіе въ права и обязанности послѣднихъ другого лица—Берга, т. е. перезаключеніе прежнихъ условій, а слѣдовательно, такое дѣйствіе, которое прямо предусмотрѣно было вышеупомянутыми довѣренностями. Но если даже и допустить на время предположеніе, что договоръ 20-го ноября долженъ быть отнесенъ къ числу такихъ условій, на заключеніе которыхъ Ливенъ не

былъ уполномоченъ, и что поэтому выраженному имъ на передачу договора согласію не можетъ быть придано законнаго значенія, то отсюда можно бы сдѣлать одинъ только выводъ, а именно, что договоръ неправильно переданъ Бергу, а симъ послѣднимъ дочери г-жѣ Родственной, г-жѣ Шанявской, и что таковая передача двухсторонняго договора однимъ контрагентомъ, безъ согласія другого, не могла породить никакихъ обязательныхъ отношеній между администраціей Родственной и теперешней обладательницей сего договора. При такихъ условіяхъ означенныя обязательственныя отношенія могли бы возникнуть развѣ лишь тогда, когда бы сама администрація, несмотря на неправильную будто бы передачу договора, о которомъ рѣчь, приняла его къ исполненію, хотя бы и потому, что послѣдній находится теперь въ рукахъ дочери Родственной. Но въ такомъ случаѣ основаніемъ отвѣтственности администраціи предъ г-жей Шанявской являлось бы именно упомянутое принятіе, т. е. дѣйствіе отъ Гинцбурга совершенно независимое, почему и взысканіе съ него убытковъ, причиненныхъ необходимостью исполнить разсматриваемый договоръ, лишено законнаго основанія.

3) Что касается требованія администраціи о представленіи торговыхъ книгъ, то требованіе это, по смыслу 529 ст., не подлежитъ удовлетворенію и затѣмъ, въ виду представленія нынѣ вышеупомянутой выписки изъ торговыхъ книгъ торговаго дома I. Е. Гинцбурга, самое требованіе теперь лишено всякаго основанія.

4) Возраженія апеллятора противъ указанія на неправильность направленія иска противъ барона Гинцбурга, на неправильность привлеченія послѣдняго къ отвѣтственности предъ администраціей Родственной и на невѣрную постановку иска равнымъ образомъ не заслуживаютъ уваженія. Администрація Родственной не только могла, имѣла право, но была обязана оспаривать права преемниковъ барона Гинцбурга по документу, который администрація признаетъ недѣйствительнымъ. Право-преемники бар. Гинцбурга по документу не представляются третьими лицами по отношенію къ администраціи именно потому, что они суть *преемники правъ и обязанностей Гинцбурга* и таковыми признаются и самимъ апелляторомъ, а поэтому то обстоятельство, что Бергъ или Шанявская не участвовали въ первоначальныхъ сдѣлкахъ между барономъ Гинцбургомъ и Родственной и что упомянутыя лица добросовѣстно пріобрѣли право по документу, не можетъ имѣть никакого значенія, и во всякомъ случаѣ не можетъ давать имъ больше правъ по этому документу, нежели имѣлъ по оному баронъ Гинцбургъ. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ вѣдь дѣло не съ векселемъ, т. е. съ такимъ обязательствомъ, сила коего въ примѣненіи къ третьимъ лицамъ не зависитъ отъ соглашенія между должникомъ и первоначальнымъ кредиторомъ и даже не съ одностороннимъ долговымъ обязательствомъ, по которому право требованія платежа долга можетъ переходить къ пріобрѣтателю документа и помимо согласія должника, а съ договоромъ двухстороннимъ, возлагающимъ на обѣ стороны извѣстныя права и обязанности, причемъ при самой передачѣ договора ясно и положительно было оговорено барономъ Гинцбургомъ, что имъ передаются Бергу не только права, но и обязанности, возложенныя на него по тому же договору. Слѣдовательно, всѣ тѣ возраженія, которыя считаетъ себя администрація вправѣ противопоставить барону Гинцбургу, она должна была предъявить противъ требованій Берга и Шанявской. Администрація считаетъ себя вправѣ предъявить настоящій искъ къ барону Гинцбургу на томъ основаніи, говоря подлинными словами апелляторовъ, «что ею оспаривается дѣйствительность договора, заключеннаго между нимъ и Родственной, что баронъ Гинцбургъ является предъ администраціей отвѣтственнымъ за дѣйствительность обязательства, имъ составленнаго и переданнаго, а слѣдовательно отвѣтственнымъ и за убытки, причиненные вслѣдствіе признанія таковаго обязательства недѣйствительнымъ, которое реализовано было будто бы въ полной стоимости барономъ Гинцбургомъ». Но, вопервыхъ, подобнаго рода споръ можетъ быть выдвинутъ администраціею лишь въ предѣлахъ того права, которыми могла бы пользоваться сама Родственная, если бы она не состояла подъ администраціею; вовторыхъ, администрація, признавая актъ недѣйствительнымъ и оспаривая силу этого акта, т. е. обязательность его содержанія, въ то же время принимаетъ, признаетъ тотъ же документъ, производитъ, если вѣрить ея объясненіямъ, по нему денежныя выдачи; втретьихъ, совершенно непонятна ссылка на отвѣтственность барона Гинцбурга за дѣйствительность обязательства, имъ составленнаго, такъ какъ обязательство составлено Родственной, а не барономъ Гинцбургомъ, и убытки отыскиваются истицею *не за составленіе, а за передачу документа* и, вчетверыхъ, отвѣтственность барона Гинцбурга за дѣйствительность или недѣйствительность договора 20-го ноября могла бы возникнуть не передъ администраціей, *добровольно принявшей договоръ къ исполненію,* а предъ лицами, къ коимъ договоръ этотъ перешелъ отъ Гинцбурга, если бы таковой былъ оспоренъ или отвергнутъ администраціей. Законъ (ст. 2058, т. X, ч. I) и судебная практика, на которую указываютъ апелляторы, не только не подтверждаютъ правильности направленія настоящаго иска къ Гинцбургу, но прямо и положительно ее отвергаютъ. Буквальный смыслъ ст. 2058, т. X, ч. I именно доказываетъ, что лицо, передающее обязательство, не освобождается отъ отвѣтственности, если обязательство окажется недѣйствительнымъ. Но эта отвѣтственность установлена для передающаго документъ предъ пріобрѣтателемъ послѣдняго, но не предъ должникомъ по документу. Иначе необходимо было бы придти къ заключенію,

что должникъ обязанъ отвѣчать предъ лицомъ, въ рукахъ коего находится въ данное время долговой документъ, хотя бы и недѣйствительный, и можетъ лишь отыскивать убытки съ того, кто этотъ документъ передалъ. Но по документамъ недѣйствительнымъ должникъ, конечно, не обязанъ платить, исключая только случаевъ, въ законѣ указанныхъ, подъ которые настоящее обязательство не подходитъ и подъ которые сама истица его не подводитъ. Неправильность направленія и постановки настоящаго иска имѣетъ весьма серьезное значеніе и влечетъ за собой нарушеніе правъ и интересовъ отвѣтчика. Если бы администрація отвергла договоръ 20-го ноября и добилась бы признанія онаго недѣйствительнымъ, то въ случаѣ обратнаго требованія по этому документу баронъ Гинцбургъ во всякомъ случаѣ отвѣтствовалъ бы предъ лицомъ, къ которому перешелъ документъ, въ предѣлахъ состоявшагося между ними соглашенія и, въ крайнемъ случаѣ, обязанъ былъ бы возвратить пріобрѣтателю полученную имъ за уступку акта сумму или вознаградить за убытки и т. д., но въ спорѣ между ними не могло бы быть рѣчи объ отвѣтственности во всей суммѣ, въ переданномъ документѣ обозначенной. Наконецъ, удовлетворивъ требованіе, баронъ Гинцбургъ получилъ бы въ свое распоряженіе оспоренный документъ, вступилъ бы снова въ тѣ права, которыя дѣйствительно ему по документу принадлежали, и онъ имѣлъ бы законную возможность осуществить противъ администраціи свои права по документу въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ. При настоящемъ же направленіи и постановкѣ иска, баронъ Гинцбургъ привлекается къ отвѣтственности за дѣйствіе, въ юридическомъ смыслѣ само по себѣ совершенно безразличное и которое одно никакого убытка не причинило и не могло причинить ни Родственной, ни администраціи по ея дѣламъ, а именно за одинъ фактъ состоявшейся когда-то передачи документа третьему лицу.

5) Исковыя требованія во всякомъ случаѣ преждевременны и голословны потому, во-первыхъ, что администрація не представила судебнаго рѣшенія, вошедшаго въ законную силу, по которому она была бы признана обязанною, не взирая на ея утвержденіе о недѣйствительности договора 20-го ноября, исполнить сей договоръ или уплатить по этому договору 125 тыс. руб.; вовторыхъ, что администрація до сихъ поръ не уплатила по означенному документу показанной въ немъ суммы и не представила никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе платежа какой бы то ни было суммы по этому договору. Одного же предъявленія документа въ администрацію, даже если бы таковой дѣйствительно былъ предъявленъ, во всякомъ случаѣ недостаточно для возложенія отвѣтственности за передачу онаго, такъ какъ предъявленный документъ можетъ быть взятъ обратно кредиторомъ, администрація можетъ войти въ сдѣлки съ кредиторомъ и проч. Администрація не утверждаетъ, что она уплатила по документу всю сумму, а говоритъ въ исковой, что ей необходимо произвести платежъ долга, въ дѣйствительности несуществующаго. Изъ надписи же Берга на договорѣ вовсе не видно, чтобы онъ до передачи этого акта Шанявской получилъ *отъ администраціи Родственной* 60 т. руб. Изъ удостовѣренія же Берга, представленнаго истицею въ окружный судъ, которое само по себѣ, по точной силѣ ст. 472 Уст. гр. суд., не имѣетъ никакого значенія для отвѣтчика, видно, что онъ удовлетворенъ будто бы изъ суммъ администраціи 60 тыс. руб. за пріобрѣтенныя имъ отъ Гинцбурга и торговаго дома І. Е. Гинцбургъ долговыя претензіи по условію 20-го ноября и *по двумъ исполнительнымъ листамъ на 220 т. руб.* Слѣдовательно, если администраціею и уплачено 60 т. руб., то этотъ платежъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть пріуроченъ къ одному условію на 125 тыс. руб., а долженъ быть отнесенъ и къ исполнительнымъ листамъ на сумму 220 тыс. руб., противъ долга по которымъ администрація до сихъ поръ спора не заявляла.

6) Заключая апелляціонную жалобу, истица ходатайствуетъ о допросѣ свидѣтелей въ подтвержденіе того, что три договора, упоминаемые въ исковомъ прошеніи, имѣли цѣлью покрыть ранѣе существовавшій долгъ въ 139 т. руб. и что бар. Гинцбургъ, *воспользовавшись* однимъ изъ договоровъ, долженъ былъ остальные возвратить Родственной. По отношенію къ этому ходатайству указывается, что сущность того словеснаго соглашенія, которое будто бы состоялось между Гинцбургомъ и Родственной и о возстановленіи коего при помощи свидѣтелей заявлено упомянутое ходатайство, изложено въ исковомъ прошеніи совершенно иначе. Въ прошеніи этомъ сказано именно, что между Родственной и Гинцбургомъ было выговорено, что послѣдній, *получивъ удовлетвореніе* по одному изъ документовъ, возвратитъ остальные два. По апелляціи же выходитъ, что одно уже *воспользованіе* документомъ порождало будто бы для Гинцбурга обязанность возвратить остальные два документа. Между тѣмъ, какъ сказано выше, съ точки зрѣнія исковой, дѣло шло о полученіи барономъ Гинцбургомъ удовлетворенія, при томъ, само собою разумѣется, *полнаго удовлетворенія* своего долга, при помощи одного изъ документовъ. Спрашивается, въ подтвержденіе какого же соглашенія должны быть допрошены свидѣтели?

7) Въ подтвержденіе иска администрація представила въ засѣданіе окружного суда нотаріальное заявленіе, посланное ею барону Гинцбургу отъ 27-го октября 1880 года. Это заявленіе, заключая въ себѣ дословно изложеніе заявленія, поданнаго въ администрацію г-жи Родственной, исходя отъ должницы, представляющей при томъ обстоятельства дѣла въ искаженномъ видѣ, само собою разумѣется никакимъ доказательствомъ въ пользу администраціи служить не можетъ. Представляя это заявленіе, администрація ни единымъ словомъ не упоминаетъ о юридической силѣ и значеніи этого документа, какъ доказа-

тельства на судѣ, объ этомъ умалчиваетъ теперь и апелляція. Между тѣмъ, это нотаріальное заявленіе можетъ произвести извѣстное впечатлѣніе и уронить честь и доброе имя отвѣтчика въ глазахъ читателей, мало знакомыхъ съ юридической оцѣнкой доказательствъ, будучи помѣщено въ началѣ стенографическаго отчета о засѣданіи окружного суда по настоящему дѣлу и въ отдѣльныхъ брошюрахъ, составленныхъ неизвѣстно кѣмъ и съ какою цѣлью распространяемыхъ въ публикѣ, не выжидая даже окончательнаго разсмотрѣнія дѣла по существу во второй судебной инстанціи. Эти послѣднія обстоятельства вынуждаютъ меня, независимо отъ приведеннаго выше подробнаго разбора иска со стороны юридической, долженствующей, конечно, имѣть единственно рѣшающее значеніе для суда, разбирающаго гражданскіе споры на основаніи дѣйствующихъ законовъ, — еще разъ коснуться тѣхъ фактовъ, на которые указываетъ Родственная и ея администрація, и сдѣлать имъ должную оцѣнку. Оставляя на время въ сторонѣ вопросъ о доказательной силѣ и значеніи заявленія Родственной и становясь на точку зрѣнія послѣдней, оказывается, что Родственная, а за нею и администрація, возводятъ на барона Гинцбурга три обвиненія: 1) взятіе отъ нея трехъ документовъ въ обезпеченіе долга въ суммѣ 139 т. руб., 2) невозвращеніе, несмотря на представленіе имъ ко взысканію одного изъ этихъ документовъ, а именно закладной на $6^1/_{12}$ паевъ удерейской компаніи, и на оставленіе за собой этихъ паевъ, и передача, вопреки данному обѣщанію, остальныхъ двухъ документовъ Бергу, и 3) причиненіе ей такой передачей убытка на сумму, равную обозначенной въ переданномъ документѣ. Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ обвиненій, нельзя не признать, что первое изъ нихъ имѣло бы какой-нибудь смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы Родственная могла доказать, что баронъ Гинцбургъ и торговый домъ I. Е. Гинцбургъ *въ дѣйствительности получили больше того, что имъ слѣдовало по ея же собственному сознанію, т. е. болѣе 139 т. р.* Сама сознавая, что центръ тяжести ея обвиненій и вмѣстѣ съ тѣмъ существенный вопросъ, касающійся нравственной стороны настоящаго дѣла, заключается именно въ степени основательности ея указаній на то, что отвѣтчикъ обогатился будто бы на ея счетъ, передавъ, вопреки соглашенію, документы третьему лицу,— истица, тѣмъ не менѣе, указаній этихъ ничѣмъ не подтвердила, да и не могла подтвердить, а поддерживаетъ свои обвиненія, становясь исключительно на формальную почву, правда, весьма шаткую. Такъ, она утверждаетъ, что получивъ въ числѣ документовъ закладную на $6^1/_{12}$ пая, въ коей значилась сумма долга въ 138,600 руб., кредиторъ самъ оцѣнилъ заложенное имущество въ этой суммѣ и даже въ большей—въ 150 т. руб., и что пріобрѣтая паи съ публичнаго торга, хотя и за высшую, предложенную имъ на торгахъ сумму—28,500 р., бар. Гинцбургъ получилъ полное удовлетвореніе своего долга. Неосновательность этого объясненія несомнѣнна: если заложенные паи представляли стоимость въ 150 т. р., то не было ни основанія, ни надобности требовать и выдавать еще два документа. Въ подтвержденіе стоимости паевъ, указываемой администраціей, послѣдняя представляетъ: 1) отчетъ по разработкѣ золотыхъ промысловъ удерейской компаніи съ 11-го сентября 1875 г. по 11-е сентября 1876 г. и 2) свѣдѣнія о прибыляхъ, полученныхъ будто бы барономъ Гинцбургомъ отъ участія въ разработкѣ пріисковъ съ 1877 по 1887 г. Первый документъ ничего не доказываетъ или доказываетъ развѣ лишь то, что во время отдачи паевъ въ залогъ Гинцбургу, предпріятіе удерейской компаніи не давало никакой или весьма незначительную прибыль. Второй документъ долженъ доказать доходность предпріятія и барыши, полученные Гинцбургомъ въ послѣдующее послѣ покупки имъ паевъ съ публичнаго торга десятилѣтіе. Но какое-нибудь значеніе могли бы имѣть доказательства о стоимости паевъ во время принятія ихъ въ залогъ или покупки оныхъ, а не данныя о послѣдующей ихъ доходности. Самый же разсчетъ о чужихъ прибыляхъ выведенъ администраціей невѣрно. Прежде всего стоимость пая въ удерейской компаніи, въ виду произведенныхъ нѣкоторыми участниками продажъ принадлежавшихъ имъ паевъ, отъ преимущественнаго права пріобрѣтенія коихъ по объявленной покупщикомъ цѣнѣ, остальные владѣльцы паевъ, въ томъ числѣ и администрація, отказались, въ настоящее время можетъ быть опредѣлена въ суммѣ 8 т. руб., а за $6^1/_{12}$ пая 48,666 руб. Во избѣжаніе же всякихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи, я уполномоченъ заявить предъ судебной палатой о полной готовности моего довѣрителя уступить администраціи Родственной упомянутые $6^1/_{12}$ пая по цѣнѣ 8 т. руб. за пай. Дохода отъ разработки пріисковъ на $6^1/_{12}$ пая въ теченіе 10 лѣтъ получено 59,200 руб., но если исключить изъ этой послѣдней суммы 6 проц. на затраченный капиталъ за то же время — 44,329 руб. и убытка отъ разработки — 12,141 руб., останется прибыли всего 2,729 р. Если затѣмъ прибавить сумму 17,469 руб., полученную бар. Гинцбургомъ отъ администраціи за неправильно удержанное ею золото по тѣмъ же паямъ, то *весь капиталъ, вырученный Гинцбургомъ по паямъ и представляемый нынѣтнею стоимостью паевъ, равняется суммѣ 38,864 руб.*

8) Истица утверждаетъ, что баронъ Гинцбургъ, уступивъ два документа Бергу, во всякомъ случаѣ обогатился на счетъ Родственной. На дѣлѣ же это обогащеніе сводится къ полученію торговымъ домомъ I. Е. Гинцбургомъ и бар. Гинцбургомъ *по всѣмъ тремъ документамъ менѣе даже цифры долга 139 т. руб.*, которую признаетъ истица, такъ какъ за уступку остальныхъ двухъ документовъ получено отъ Берга всего 60 т. рублей. Правильность этого послѣдняго объясненія можетъ быть удостовѣрена показаніемъ самого Берга, о допросѣ коего, въ качествѣ

свидѣтеля я прошу судебную палату, въ томъ случаѣ, если бы судебная палата признала возможнымъ входить въ повѣрку объясненій сторонъ о количествѣ долга, о словесномъ соглашеніи и проч. Такимъ образомъ, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ установлено, *что торговый домъ I. E. Гинцбургъ и бар. Горацій Гинцбургъ не получили до сего времени тѣхъ 139 т. руб., которые признаетъ истица, а получили всего 128,865 руб.* А если это такъ, то въ чемъ же заключается неправильность дѣйствій бар. Гинцбурга, его посягательство на благосостояніе Родственной и проч.? Слѣдующее обвиненіе противъ бар. Гинцбурга заключается въ фактѣ передачи Бергу документа, по которому онъ или дочь Родственной, Шанявская, требуетъ полнаго удовлетворенія. Въ этомъ отношеніи Гинцбургъ указываетъ и обстоятельства дѣла вполнѣ подтверждаютъ, что передача документовъ состоялась по инціативѣ и съ согласія уполномоченнаго Родственной, Ливена, что документы переданы Бергу, лицу, котораго Гинцбургъ не зналъ, но котораго знала Родственная, такъ какъ онъ состоялъ ея кредиторомъ на весьма крупную сумму, а именно, какъ видно изъ упомянутаго баланса, на 240,000+50,000+220,000 рублей, помимо документовъ, пріобрѣтенныхъ отъ Гинцбурга. Не опровергая этихъ обстоятельствъ по существу, истица опять становится на формальную почву, возражая противъ права Ливена на изъявленіе согласія на уступку документовъ Бергу, не соотвѣтствующаго будто бы содержанію довѣренности Родственной. Не говоря уже о томъ, что администрація возстаетъ противъ примѣненія къ ея требованіямъ формальныхъ предписаній закона тамъ, гдѣ это не выгодно для ея интересовъ, и охотно становится подъ защиту формальностей, когда это ей на пользу, возраженія администраціи лишены справедливаго основанія въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ передачу документовъ Бергу.

Какъ уже было упомянуто выше, Ливенъ, состоявшій еще ранѣе уполномоченнымъ Родственной съ обширными правами, прибылъ въ Петербургъ съ спеціальнымъ порученіемъ войти съ кредиторами Родственной во всякаго рода сдѣлки и соглашенія, снабженный на этотъ предметъ новыми обширными полномочіями. Онъ явился къ бар. Гинцбургу, который не имѣлъ о немъ никакого понятія, въ качествѣ уполномоченнаго и представителя правъ и интересовъ Родственной. Изыскивая средства и способы къ осуществленію желанія и порученія Родственной относительно отсрочки ея долговъ и къ продолженію золотопромышленнаго дѣла, Ливенъ, конечно, не безъ вѣдома и согласія Родственной, хлопоталъ объ учрежденіи по ея дѣламъ администраціи, представляя въ многочисленныхъ запискахъ, изъ коихъ одна прилагается при настоящемъ объясненіи, на усмотрѣніе кредиторовъ почти безвыходное положеніе должницы, домогался принятія кредиторами въ свое распоряженіе ея дѣлъ, предлагалъ Гинцбургу вступить въ члены администраціи и проч. Получивъ отказъ барона Гинцбурга на это послѣднее предложеніе, Ливенъ сталъ хлопотать о сосредоточеніи долговыхъ претензій къ Родственной въ рукахъ лицъ, расположенныхъ въ ея пользу, и предложилъ Гинцбургу уступить свою претензію Бергу. Что Ливенъ дѣйствовалъ при учрежденіи администраціи съ вѣдома и согласія Родственной, не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ учрежденіе администраціи не мыслимо безъ предъявленія баланса, для сей цѣли составленнаго и подписаннаго должникомъ (т. XI ч. 2, ст. 1870), и таковой балансъ былъ представленъ въ московскій биржевой комитетъ *за подписью Родственной* и при прошеніи большинства наличныхъ кредиторовъ ея, которые, а въ ихъ числѣ и гг. Бергъ и Шанявская, избираютъ въ составъ администраціи того же Ливена, хотя избраніе послѣдняго, какъ повѣреннаго Родственной, вызываетъ жалобы со стороны меньшинства кредиторовъ. Затѣмъ, каковы были на самомъ дѣлѣ отношенія между Ливеномъ и Родственной, оправдалъ ли впослѣдствіи первый довѣріе послѣдней и избравшихъ его кредиторовъ или нѣтъ, — все это, конечно, не касалось и не касается Гинцбурга, но несомнѣнно то, что въ виду тѣхъ правъ и полномочій, которыми былъ облеченъ Ливенъ на основаніи двухъ довѣренностей и той роли, которую онъ игралъ въ дѣлахъ Родственной вообще и по дѣлу объ учрежденіи администраціи въ особенности, бар. Гинцбургъ не могъ питать никакихъ сомнѣній относительно того, что передача имъ документа Бергу, независимо отъ отсутствія формальныхъ, законныхъ препятствій, вполнѣ соотвѣтствовала цѣлямъ и интересамъ самой Родственной.

Такимъ образомъ, обвиненіе въ неправильности или вѣрнѣе несправедливости передачи бар. Гинцбургомъ Бергу договора 20-го ноября, кажется, достаточно мною опровергнуто.

9) Остается послѣднее обвиненіе—причиненіе передачею документа убытка, притомъ убытка, равнаго суммѣ, обозначенной въ документѣ. Но администрація по дѣламъ Родственной, имѣя право оспаривать дѣйствительность документа и такимъ способомъ устранить всякій вредъ для кредиторовъ отъ передачи его отвѣтчикомъ не только не пользуется этимъ правомъ, а принимаетъ документъ къ исполненію и уплачиваетъ будто бы по нему дивидендъ. Причина этого, на первый взглядъ необъяснимаго положенія, занятаго администраціей, кроется съ одной стороны въ томъ, что въ интересахъ какъ Родственной, такъ и ея администраціи допустить владѣльца документа къ участію въ дивидендахъ администраціи въ полной суммѣ долга и затѣмъ взыскивать убытки за передачу документа,—а съ другой—въ личности отвѣтчика. Если бы въ роли передатчика документа являлся не бар. Гинцбургъ, а лицо, неспособное отвѣчать за убытки, причиненные будто бы передачей документа Бергу, то, кажется, можно съ безошибочностью предположить, что администрація, радѣя объ интересахъ кредиторовъ, не признала бы обяза-

тельнымъ для себя долговой документъ, который она же считаетъ недѣйствительнымъ, не сдѣлавъ даже ни малѣйшей попытки къ огражденію правъ кредиторовъ судебнымъ порядкомъ. Интересы же Родственной представляетъ ея дочь, Шанявская, владѣлица документовъ по пріобрѣтенію отъ Берга и нынѣшняя кредиторша Родственной по этимъ документамъ, играющая вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, отставнымъ генералъ-маіоромъ Шанявскимъ, главныя роли въ администраціи Родственной.

10) Въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, представляется ли какая нибудь надобность, уже не говоря о законномъ основаніи, въ допросѣ свидѣтелей и въ истребованіи торговыхъ книгъ, и вызываются ли требованія по симъ предметамъ со стороны истицы стремленіемъ къ выясненію истинной подкладки дѣла? Повидимому нѣтъ. Если Родственная была должна барону Гинцбургу 139,000 рублей, то мною доказано и истицѣ это, конечно, отлично извѣстно, что баронъ Гинцбургъ и торговый домъ I. Е. Гинцбургъ не получили сполна и этихъ 139,000 руб. по всѣмъ тремъ документамъ; если состоялось то соглашеніе, о которомъ говорится въ исковой, а именно, соглашеніе, по которому баронъ Гинцбургъ, получивъ удовлетвореніе долга по одному изъ документовъ, обязался возвратить остальные два, какъ обезпечивавшіе тотъ же долгъ, то установлено несомнѣнными данными, что полнаго удовлетворенія долга не только по одному, но и по всѣмъ тремъ документамъ не послѣдовало; что во всякомъ случаѣ это соглашеніе замѣнено впослѣдствіи новымъ о передачѣ двухъ документовъ Бергу; что послѣднее соглашеніе состоялось съ вѣдома и одобренія Родственной и что отъ этой передачи извлекла пользу для себя Родственная при учрежденіи администраціи, а затѣмъ главные ея кредиторы: г-жа Шанявская и компаніонъ гг. Шанявскихъ—г. Бергъ. Между тѣмъ, въ настоящее время эти-то главные кредиторы, интересы коихъ защищаетъ администрація, пріобрѣвшіе претензіи барона Гинцбурга, отыскиваютъ съ послѣдняго убытки, причиненные имъ уступкой документа, по которому они, по собственному ихъ же объясненію, получили уже часть и разсчитываютъ получить полное удовлетвореніе изъ доходовъ администраціи.

11) Что же касается требованія вознагражденія убытковъ за невозвращеніе маклерской записки, то требованіе сіе не подкрѣплено никакими доказательствами и въ апелляціонной жалобѣ о немъ не упоминается. Поэтому и я съ своей стороны ограничиваюсь указаніемъ на неосновательность и голословность этого требованія.

На основаніи изложеннаго прошу судебную палату: въ искѣ администраціи по дѣламъ Родственной съ барона Гинцбурга 140 тыс. рублей съ процентами отказать, рѣшеніе с.-петербургскаго окружного суда по сему дѣлу, какъ правильное, утвердить, возложивъ на администрацію Родственной уплату судебныхъ издержекъ и вознагражденія за веденіе дѣла.

Предсѣдатель. Я прошу стороны въ словесныхъ объясненіяхъ не говорить того, что уже извѣстно палатѣ.

Присяжный повѣренный Ворзенко. Свои словесныя объясненія, гг. судьи, я думаю пріурочить къ тому хронологическому порядку, въ которомъ возникали тѣ обязательныя отношенія, которыя связываютъ г-жу Родственную съ барономъ Гинцбургомъ. Здѣсь мы увидимъ, что существовавшія между ними вначалѣ простыя отношенія съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усложнялись, спутывались и затемнялись. Вотъ эту затемненность я поставлю задачею для посильнаго разрѣшенія.

Первый изъ тѣхъ документовъ, которые имѣются въ дѣлѣ, первый документъ, связывающій г-жу Родственную съ барономъ Гинцбургомъ—это есть ея поручительство отъ 15 марта 1875 года на маклерской запискѣ, выданной наслѣдниками Бенардаки барону Гинцбургу о продажѣ 5,000 полуимперіаловъ за стоимость 30,200 кред. руб. За исполненіе этой маклерской записки о доставленіи 5.500 полуимперіаловъ по курсу 5 р. 50 к. къ сроку конца 1876 г. поручилась г-жа Родственная. 15-го марта 1875 года, въ соотвѣтствіе маклерской запискѣ, были выданы наслѣдниками Бенардаки векселя барону Гинцбургу въ суммѣ 30,000 р., по которымъ также была поручительницей г-жа Родственная.

Какъ только наслѣдники Бенардаки оказались въ теченіи 1875 года неисправными въ представленіи первыхъ ассигновокъ на то золото, которое добывалось на принадлежащихъ имъ пріискахъ для уплаты барону Гинцбургу этихъ полуимперіаловъ, баронъ Гинцбургъ обратился къ поручительницѣ, г-жѣ Родственной, за уплатой 30,000 рублей, слѣдующихъ по векселямъ. Уплата послѣдовала, но не со стороны вдовы полковника Аполинаріи Ивановны Родственной, а со стороны ея дочери, жены генералъ-маіора Лидіи Алексѣевны Шанявской, которая уплатила 30,000 рублей, какъ это доказывается тѣми росписками, которыя представлены къ дѣлу и которыя выданы отъ имени торговаго дома I. Е. Гинцбурга и подписаны уполномоченнымъ его, Грубе. Въ этихъ роспискахъ сказано, что получено 30,000 руб. «до разсчета». Таковыя слова «до разсчета» включены въ росписки, выданныя Грубе г-жѣ Шанявской, указываютъ на то, что между заинтересованными лицами должны были быть произведены еще разсчеты. Спрашивается: о какомъ разсчетѣ говорятъ росписки?

Вотъ теперь мы переходимъ къ дальнѣйшимъ отношеніямъ между Родственной и Гинцбургомъ, къ отношеніямъ болѣе сложнымъ. Выданы были векселя и маклерская записка съ поручительствомъ г-жи Родственной. Уплата послѣдовала со стороны ея дочери, которой возвращены векселя, а маклерская записка о продажѣ наслѣдниками Бенардаки 5,500 полуимперіаловъ за 30,200 р., на которой стоитъ поручительство Родствен-

ной,—эта маклерская записка осталась у барона Гинцбурга. Разсчетъ по векселямъ последовалъ въ ноябре 1875 г. Согласно роспискѣ уполномоченнаго торговаго дома I. Е. Гинцбурга, выданной Л. А. Шанявской, долженъ былъ послѣдовать «разсчетъ». Онъ былъ произведенъ вскорѣ по уплатѣ г-жею Шанявской 30 тыс. руб. по поручительству ея матери.

Въ хронологическомъ порядкѣ возникновенія между Родственной и Гинцбургомъ трехъ обязательствъ, одного на 139,160 руб., съ неустойкой въ 50,000 руб., другого на 138,600 р. и третьяго на 125.000 руб., первое по времени относится къ 19-му ноября 1875 г., совершается у нотаріуса Демиса долговое заемное письмо съ закладомъ движимости. Такова юридическая классификація договора, заключеннаго между вдовою полковника А. И. Родственной и барономъ Гинцбургомъ о займѣ у него 138,600 руб. подъ закладъ $6^1/_3$ паевъ, принадлежавшихъ г-жѣ Родственной въ удерейской золотопромышленной компаніи...

Предсѣдатель. Все это намъ извѣстно изъ доклада. Я просилъ васъ не повторять того, что мы уже знаемъ.

Присяжн. повѣр. Ворзенко. Въ письменныхъ объясненіяхъ повѣреннаго Гинцбурга стоимость паевъ, данныхъ въ обезпеченіе займа—138,600 р., оцѣнена въ 48 т. р. Но паи эти оцѣнены барономъ Гинцбургомъ въ 150,000 р., какъ это видно изъ пункта 1-го договора 19-го ноября 1875 г. о закладѣ $6^1/_3$ паевъ удерейской компаніи, принадлежавшихъ Родственной. Оцѣнка, сдѣланная имъ въ то время, въ настоящее время опровергается повѣреннымъ барона Гинцбурга. Они утверждаютъ, что паи эти стоютъ всего 48 т. руб. и что прежняя оцѣнка для барона Гинцбурга обязательнаго значенія не имѣетъ. Но онъ эту оцѣнку включилъ въ заключенный имъ съ Родственной договоръ, слѣдовательно она имѣетъ для него обязательное значеніе. Но въ виду заявленнаго спора, такъ какъ опредѣленіе стоимости этихъ паевъ требуетъ спеціальныхъ, техническихъ знаній, то для установленія дѣйствительной стоимости $6^1/_3$ паевъ, заложенныхъ г-жей Родственной барону Гинцбургу, я ходатайствую о вызовѣ свѣдущихъ людей для производства экспертизы...

Предсѣдатель. Не смотря на судебное рѣшеніе, которое состоялось 4-го марта 1877 г.?

Присяж. повѣрен. Ворзенко. Это судебное рѣшеніе состоялось по отношенію къ г-жѣ Родственной, а я являюсь представителемъ администраціи, для которой значеніе этого рѣшенія...

Предсѣдатель. Вамъ прежде всего съ этого и слѣдовало начать, именно съ разъясненія того, что состоявшееся рѣшеніе не обязательно для администраціи.

Присяж. повѣрен. Борзенко. Въ такомъ случаѣ я перейду къ характеристикѣ значенія администраціи. Администрація, учрежденная 20-го мая 1877 г. по дѣламъ г-жи Родственной, является представительницей интересовъ, какъ г-жи Родственной, такъ какъ она является по закону на правахъ полнаго хозяина въ отношеніи ея имущества (ст. 490 уст. суд. торг. т. XI ч. 2 изд. 1887 г.), такъ и кредиторовъ, отъ которыхъ администрація получаетъ полномочіе (ст. 493 уст. уд. торг. изд. 1887 г.). Такимъ образомъ, здѣсь въ лицѣ администраціи является двойственное представительство: должницы, г-жи Родственной и ея кредиторовъ. Я утверждаю, что администрація является не исключительно представительницей одной должницы. Если спб. окружной судъ въ мотивахъ къ своему рѣшенію указалъ на сенатскія рѣшенія, гдѣ сказано, что администрація является представительницей должника, то я смѣю думать, что такого рода положеніе, высказанное Сенатомъ, въ двухъ его рѣшеніяхъ, не имѣетъ характера общихъ положеній, но является лишь выводомъ изъ конкретныхъ случаевъ, по поводу которыхъ Сенатъ высказалъ приводимое опредѣленіе. Рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената относятся къ конкретнымъ случаямъ. И дѣйствительно, въ тѣхъ двухъ случаяхъ, по которымъ послѣдовали эти рѣшенія, администраціямъ иного значенія, какъ представительницамъ должника, не могло быть дано. Рѣшенія Сената, приведенныя какъ въ мотивахъ рѣшенія окружного суда, такъ и въ объясненіи противной стороны, касаются двухъ слѣдующихъ дѣлъ: дѣла администраціи Корчагина и дѣла администраціи Малютина. Но именно въ то время, когда возникли иски по поводу этихъ администрацій, сами администраціи уже не существовали. Такъ, администрація по дѣламъ Корчагина была обращена въ конкурсъ, а администрація по дѣламъ Малютина возстановила его въ имущественныхъ правахъ и онъ былъ внѣ администраціи.

Поэтому, всѣ возникшія отношенія кредиторовъ къ конкурсу по дѣлу Корчагина и затѣмъ по дѣлу Малютина къ нему самому здѣсь были иныя, нежели по настоящему дѣлу, когда администрація Родственной не окончила своихъ дѣйствій.

Конкурсное управленіе Корчагина отвергло искъ, основанный на дѣйствіяхъ предшествовавшей администраціи, говоря, что это дѣло администраціи до насъ не касающееся, что мы являемся здѣсь самостоятельнымъ учрежденіемъ по дѣлу Корчагина, для насъ администрація есть учрежденіе чуждое, не обязательное.

Съ этими взглядами Сенатъ не согласился и рѣшилъ наоборотъ: что администрація является представительницей личности должника и что дѣйствія ея обязательны для должника и для конкурса, учрежденнаго для совершенія разсчета по долгамъ впавшаго въ несостоятельность.

Что касается до дѣла Малютина, то онъ говоритъ, по закрытіи администраціи, учрежденной надъ нимъ, что иски, предъявленные къ нему, возникаютъ изъ дѣйствій администраціи, вслѣдствіе чего они для него не обязательны. Сенатъ снова отвергъ подобное толкованіе и установилъ обязательность дѣйствій администраціи для лицъ, вышедшихъ

изъ подъ нея, на томъ основаніи, что администрація является продолжателемъ личности должника. Но вѣрно ли это положеніе во всѣхъ случаяхъ и можно ли его считать за общее правило? Я позволю себѣ въ этомъ усомниться.

Во время существованія администраціи, споры, возникавшіе между кредиторами и администраторами, восходили на разсмотрѣніе высшаго суда, именно 4-го департамента Сената.

По дѣлу Рождественской мануфактуры (1877 г.) Сенатъ прямо высказалъ, что администрація является представительницей кредиторовъ и *только* кредиторовъ, и что въ случаѣ неудовлетворительности дѣйствій администраторовъ, кредиторы имѣютъ право обращаться къ нимъ, какъ къ своимъ законнымъ уполномоченнымъ, съ искомъ о привлеченіи ихъ къ отвѣтственности.

Кромѣ того, въ недавнее время гражданскій кассаціонный департаментъ въ рѣшеніи за 1887 годъ, № 37, по дѣлу Мартемьяна Борисовскаго, поступившему на разсмотрѣніе высшаго въ Имперіи суда, по кассаціонной жалобѣ на рѣшеніе спб. судебной палаты, высказалъ, что хотя по дѣламъ М. Борисовскаго учреждена администрація, тѣмъ не менѣе имущество, завѣщанное ему его матерью во время нахожденія М. Борисовскаго подъ администраціей, составляетъ его самостоятельное отдѣльное имущество, къ завѣдыванію администраціи не относящееся.

Такимъ образомъ, лицо, находящееся подъ администраціей, тѣмъ не менѣе, по сенатскому рѣшенію по дѣлу Борисовскаго, имѣетъ право имѣть отдѣльное самостоятельное имущество. Но если лицо, находящееся подъ администраціей, имѣетъ право имѣть отдѣльное самостоятельное имущество, то, смѣю думать, что админастрація не является безусловно представителемъ его личности, а напротивъ, эта личность имѣетъ нѣкоторое, внѣ администраціи стоящее, самостоятельное значеніе.

Такимъ образомъ, даже на основаніи рѣшеній Сената, администрація не безусловно можетъ быть признана продолжительницей личности должника. И въ этомъ смыслѣ, являясь представителемъ интересовъ администраціи, состоящей изъ кредиторовъ, я полагаю, что рѣшеніе спб. окружного суда, состоявшееся по займу въ 138,600 р., обезпеченному закладомъ $6^1/_3$ паевъ, и по займу въ 139,150 р., обезпеченному неустойкой въ 50,000 руб., гдѣ совершилъ признаніе Ливенъ, какъ повѣренный г-жи Родственной,— для администраціи, не имѣющей значенія исключительно только какъ представительницы личности должницы Родственной, но и являющейся самостоятельнымъ учрежденіемъ, такого рода рѣшеніе для насъ не обязательно, какъ сторонняго, третьяго лица. Въ доказательство того, что подобное самостоятельное учрежденіе не чуждо духу русскаго законодательства, я приведу рѣшеніе гражданскаго кассаціоннаго департамента за 1887 годъ по дѣлу Всеволожскихъ, гдѣ говорится объ учрежденіи для разсчета имущества Всеволожскихъ, и такого рода учрежденіе принимается въ сенатскомъ рѣшеніи какъ самостоятельное учрежденіе, независимо отъ лицъ, по дѣламъ которыхъ оно учреждено. Такимъ образомъ, администрація имѣетъ значеніе самостоятельнаго учрежденія, имѣющаго право ограждать интересы тѣхъ лицъ, которыхъ она представляетъ, кредиторовъ и должника, и что администрація учреждается съ цѣлью поправленія положенія лица, впавшаго въ долги, и удовлетворенія дальнѣйшихъ требованій кредиторовъ.

Вотъ то положеніе, которое занимаетъ администрація въ данномъ случаѣ.

Въ подтвержденіе того, что мы имѣемъ самостоятельное положеніе въ дѣлѣ, а не являемся только представителями личности г-жи Родственной, что я не связанъ ни ея заявленіями, ни заявленіями, сдѣланными ея повѣреннымъ Ливеномъ, и что для насъ не имѣетъ законной силы рѣшеніе, состоявшееся по дѣлу между г-жей Родственной и ея кредиторомъ, такъ какъ въ силу закона рѣшеніе распространяется только на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, а не на лицъ постороннихъ, по общему правилу, что «res judicata jus facit inter portes», что администрація, какъ самостоятельное учрежденіе, представляетъ интересы другого круга лицъ, а не одной только должницы, что она представляетъ интересы кредиторовъ, — въ подтвержденіе того, что это толкованіе вѣрно, я привелъ тѣ кассаціонныя рѣшенія, которыя въ послѣднее время послѣдовали.

Далѣе, я не могу не обратиться къ дальнѣйшему разъясненію тѣхъ сторонъ дѣла, которыя въ данномъ случаѣ имѣются. Доказавши, смѣю думать, что договоръ 19-го ноября 1875 года и рѣшеніе суда, состоявшееся по нему, для администраціи не обязательны, какъ учрежденія самостоятельнаго,—въ подтвержденіе дѣйствительности оцѣнки, сдѣланной $6^1/_3$ паямъ удерейской золотопромышленной компаніи, въ 150 т. р., въ то время, какъ противная сторона отходитъ отъ этой оцѣнки, администрація, заинтересованная въ томъ, дѣйствительно ли искъ барона Гинцбурга удовлетворенъ сполна предъявленнымъ ко взысканію договоромъ съ г-жей Родственной съ закладомъ недвижимости, — ходатайствуетъ о вызовѣ свѣдущихъ людей для оцѣнки этого имущества.

Затѣмъ, 20-го ноября 1875 года, возникло обязательство, которое, по дѣйствующему законодательству, никакого въ законѣ установленнаго названія не имѣетъ. Это есть contractus innominatus. Я не буду возстановлять его текстъ; я скажу только почему договоръ 20-го ноября 1875 года, заключенный Родственной съ Гинцбургомъ, есть contractus innominatus. Договоръ о займѣ 139,150 руб. потому не есть договоръ займа, хотя въ текстѣ договора онъ и названъ займомъ, что заемъ, по 2050 ст. I ч. X т., подлежитъ удовлетворенію уплатою условленной суммы, между тѣмъ какъ здѣсь взято 139,150 руб., а обусловлено заплатить 20,000 полуимперіа-

ловъ, т. е. уплатить золотомъ, а не взятой суммой. Поэтому, это обстоятельство лишаетъ этотъ договоръ значенія заемнаго письма, такъ какъ онъ противорѣчитъ 2050 ст. Кромѣ того, въ этотъ заемный договоръ включено условіе о неустойкѣ, что противорѣчитъ закону, такъ какъ законъ запрещаетъ включеніе условія о неустойкѣ въ самый текстъ заемнаго обязательства. Что это не договоръ займа—это имѣлъ въ виду и спб. окружной судъ, присудивъ по нему взысканіе, какъ капитальной суммы, такъ и неустойки и выдавъ исполнительный листъ на 220 т. р.

Затѣмъ слѣдуетъ договоръ отъ 20-го ноября 1875 года въ 125 т. р. относительно принятія барона Гинцбурга вкладчикомъ для разработки 14-ти пріисковъ, принадлежащихъ г-жѣ Родственной въ удерейской золотопромышленной компаніи. Здѣсь отношенія вовсе не товарищескія, потому что г-жа Родственная обязывается отдавать своему вкладчику 50 проц. изъ чистой прибыли, причемъ дальнѣйшіе пункты относительно невыгодъ и убытковъ компаніи на вкладчика не распространяются. Наконецъ, Гинцбургъ выговорилъ за собою право во всякое время по своему усмотрѣнію отказаться и прекратить дѣйствіе договора о взносѣ 125 т. р. въ качествѣ вкладчика въ разработку 14 паевъ, арендуемыхъ Родственной въ удерейской компаніи. Если договоръ связываетъ нѣсколькихъ лицъ, вносящихъ въ дѣло свой капиталъ и трудъ, то между ними распредѣляются какъ всѣ выгоды, такъ и убытки. Но здѣсь этого нѣтъ. Такимъ образомъ, этотъ договоръ представляетъ собою односторонній актъ со стороны барона Гинцбурга. Мы видимъ здѣсь, что вкладчикъ имѣетъ право по своему желанію отъ договорныхъ отношеній отступиться, не несетъ никакихъ убытковъ и пользуется правомъ на полученіе 50 проц. изъ чистой прибыли. Таковы договоры, являющіеся въ данномъ дѣлѣ. Какъ въ исковомъ прошеніи, такъ и въ апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе с.-петербургскаго окружного суда, мы утверждаемъ, что баронъ Гинцбургъ, при взятіи отъ г-жи Родственной обязательствъ 19-го и 20-го ноября 1875 года, далъ ей обѣщаніе выдать ей письмо, обезпечивающее ее отъ взысканія по всѣмъ этимъ тремъ обязательствамъ. Обѣщаніе это не было исполнено; письма въ дѣлѣ нѣтъ. Взысканіе было произведено по двумъ обязательствамъ, а третье обязательство передано по надписи г. Бергу 3-го мая 1877 года. Что касается до писемъ, обезпечивающихъ такого рода отношеніе, то я долженъ указать на слѣдующее обстоятельство.

Золотопромышленникъ, имѣющій свои пріиски, въ критическую минуту обыкновенно обращается къ банкиру для займа. То же самое было и съ г-жей Родственной. Она обращалась съ требованіями о кредитѣ къ частному лицу—барону Гинцбургу, который въ теченіе долгихъ лѣтъ давалъ ей деньги, обыкновенно ежегодно около 100 тыс. рублей подъ обязательство возвратить ассигновки на полуимперіалы, какъ только онѣ получатся по мѣрѣ разработки пріисковъ, причемъ долговыя отношенія между заемщицей г-жей Родственной и кредиторомъ барономъ Гинцбургомъ въ большинствѣ случаевъ выражались въ формѣ маклерскихъ записокъ о продажѣ полуимперіаловъ и кромѣ того въ формѣ векселей. При этомъ существовалъ не только между ними, но и вообще между золотопромышленниками и лицами, ссужающими ихъ деньгами, обычай выдавать и требовать выдачи писемъ, обезпечивающихъ отъ двойного взысканія, т. е. взысканія не двойного, а взысканія по этимъ одновременно выданнымъ двумъ обязательствамъ: по маклерскимъ запискамъ и выданнымъ при этомъ векселямъ. Таковъ существующій обычай. Я спрашивалъ маклеровъ и они утверждаютъ, что такой обычай дѣйствительно существуетъ. Если противная сторона отрицаетъ существованіе такого обычая, то кромѣ просьбы о вызовѣ экспертовъ для оцѣнки стоимости паевъ, я ходатайствую еще о предоставленіи мнѣ права доказать существованіе указываемаго мною обычая. Эти торговые обычаи извѣстны петербургскому биржевому комитету.

Я ходатайствую о выдачѣ мнѣ свидѣтельства на представленіе удостовѣренія, что это такъ ведется и что такой обычай существуетъ. Такимъ образомъ, если баронъ Гинцбургъ заключивъ съ Родственной тройное обязательство, не выполнилъ обѣщанія выдать письмо, обезпечивающее г-жу Родственную отъ взысканія по другимъ обязательствамъ, то въ силу обычая, въ силу обычнаго права онъ долженъ былъ это сдѣлать. Если такой обычай существуетъ, то мы требуемъ его примѣненія. Мы знаемъ, что въ практикѣ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената допускается примѣненіе обычнаго права не только мировыми судьями, но также общими судами, поэтому въ интересахъ дѣла, я считаю своею обязанностью заявить судебной палатѣ ходатайство о выдачѣ мнѣ свидѣтельства на полученіе изъ петербургскаго биржевого комитета удостовѣренія о дѣйствительномъ существованіи такого обычая между золотопромышленниками и банкирскими конторами, ихъ ссужающими.

Предсѣдатель. Позвольте васъ остановить. Въ подтвержденіе чего вы ссылаетесь на обычай?

Присяжный повѣренный Борзенко. Въ подтвержденіе того, что обыкновенно золотопромышленникъ, кредитующійся у банкира, выдаетъ ему по обязательственному отношенію маклерскую записку на запроданные ему полуимперіалы и кромѣ того еще другое обязательство: вексель, заемное письмо или иной договоръ безъименный. При этомъ въ огражденіе отъ взысканія по двумъ одновременно выданнымъ обязательствамъ кредиторъ даетъ, *по обычаю*, «обезпечивающее письмо» должнику.

Такимъ образомъ, кромѣ этихъ двухъ обязательствъ, есть еще обезпечивающія письма, гдѣ сказано, что по мѣрѣ полученія ассигно-

вокъ возвращаются и маклерскія записки и векселя.

Предсѣдатель. Но такого рода письма не было выдано по настоящему дѣлу?

Присяжн. повѣр. Борзенко. Нѣтъ, не было, но оно было обѣщано. Я полагаю, что существующій обычай и послужилъ барону Гинцбургу основаніемъ уклониться отъ выдачи такого письма, такъ какъ дѣйствіе обычая могло замѣнить невыданное письмо и гарантировать Родственную отъ самостоятельнаго взысканія по тремъ ея обязательствамъ, не имѣвшимъ самостоятельнаго значенія отдѣльныхъ долговыхъ отношеній. Маклерская записка была выдана барону Гинцбургу наслѣдниками Бенардаки. По этой запискѣ сдѣлалась поручительницей г-жа Родственная. Ея дочь выкупила векселя, но маклерская записка осталась у барона Гинцбурга. Очевидно, по векселямъ состоялась сдѣлка.

Мы видимъ, что здѣсь между г-жей Родственной и наслѣдниками Бенардаки состоялось соглашеніе о зачетѣ векселей. Но затѣмъ оказывается, что долгъ г-жи Родственной съ 1876 г. возросъ до 138,600 р., какъ это видно изъ представленной противной стороной выписи изъ торговыхъ книгъ барона Гинцбурга. Этотъ долгъ образовался изъ первоначальнаго долга г-жи Родственной 20,000 полуимперіаловъ по курсу 5 р. 50 к., къ которымъ присоединены 5,500 полуимперіаловъ по поручительству на маклерской запискѣ Бенардаки, что составляетъ 140,000 руб., затѣмъ изъ лажа въ 1875 г. присчитаннаго на эту сумму, изъ лажа по 6 р. 20 к., слѣдовательно по 70 к. на полуимперіалъ, что составитъ сумму 17,850 руб. и затѣмъ изъ 8%, что составитъ сумму слишкомъ 10,000 руб., такъ что общій итогъ получается 168,600 р., изъ коихъ вычтено 30,000 кредитныхъ и такимъ образомъ составляется долгъ въ 138,600 рублей.

По крайней мѣрѣ таково было словесное заявленіе о происхожденіи долга Родственной, сдѣланное въ 1880 г. управляющимъ барона Гинцбурга, Красносельскимъ, генералу Шанявскому. Здѣсь былъ составленъ разсчетъ такимъ образомъ, что въ эти 168,000 р. были включены 20,000 полуимперіаловъ и 5,500 полуимперіаловъ по маклерской запискѣ Бенардаки, гдѣ г-жа Родственная являлась поручительницей. Такимъ образомъ металлическая валюта здѣсь была переведена на кредитные рубли, что съ процентами составило долгъ въ 168,000 р., изъ коихъ исключено 30,000 р., уплаченныхъ Л. А. Шанявскою. Г-жа Родственная и администрація считаютъ себя въ правѣ взять эту маклерскую записку обратно для дальнѣйшихъ разсчетовъ по металлической валютѣ съ опекунскимъ управленіемъ Бенардаки. Разсчитывалась она въ кредитной валютѣ, а не въ металлической, какъ значится въ разсчетѣ барона Гинцбурга. Квитанція въ полученіи 30,000 р. была выдана г-жѣ Шанявской «до разсчета». Здѣсь металлическая валюта различается между стоимостью въ то время и стоимостью полуимперіаловъ въ настоящее время.

На основаніи 332 и 333 ст. уст. гр. суд., не считается увеличеніемъ или измѣненіемъ исковыхъ требованій, если къ первоначальнымъ требованіямъ будетъ присоединено требованіе изъ нихъ вытекающее, если къ цѣнѣ иска присоединяются проценты и приращенія. Въ данномъ случаѣ является приращеніемъ лажъ на золото, въ той разницѣ, какую этотъ лажъ представлялъ въ 1883 г. и въ настоящее время.

Со времени 1883 по 1888 г. явилось приращеніе къ отыскиваемому предмету настоящаго иска, которое даетъ основаніе увеличить требованіе по маклерской запискѣ съ 15,000 на 23,000 р., согласно измѣнившемуся курсу на полуимперіалы. Мало того, это приращеніе тѣмъ болѣе имѣетъ мѣсто, что маклерская записка Бенардаки, совершенная въ мартѣ мѣсяцѣ 1875 г., въ настоящее время является документомъ, по которому администрація не можетъ произвести взысканія въ виду давностнаго срока. Поэтому настоящее опредѣленіе цѣны иска опирается на законъ, оно предусмотрѣно въ словахъ ст. 334 уст. гражд. суд., гдѣ предусмотрѣно требованіе истцомъ отъ отвѣтчика *цѣнности имущества утраченнаго*. Эта стоимость опредѣляется разницей между 30,000 руб. кредит. и металлическимъ курсомъ 5,500 полуимперіаловъ, что составитъ сумму въ 23,000 р., о присужденіи которой я и ходатайствую. Я опредѣляю въ 23,000 руб. сумму иска на основаніи маклерской записки Бенардаки, по которой поручилась и уплатила Родственная.

Изъ ближайшаго разсмотрѣнія основаній настоящаго иска и убытковъ, причиненныхъ администраціи Родственной, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ.

Настоящій искъ объ убыткахъ основанъ на дѣйствіяхъ Гинцбурга, передавшаго обязательства, заключенныя съ Родственной, въ руки посторонняго лица, при полученіи по нимъ отъ Родственной удовлетворенія.

Ограждаетъ ли Гинцбурга ст. 2058 т. X ч. I отъ отвѣтственности за переуступку имъ обязательства для взысканія съ Родственной?

Ст. 2058 т. X ч. I излагаетъ: «Заимодавецъ воленъ передать другому, кто похочетъ заплатить ему деньги свои за заемщика и принять все право по взысканію безъ оборота на заимодавца». Этотъ терминъ «безъ оборота» разъясненъ сенатскими рѣшеніями въ томъ смыслѣ, что въ такомъ случаѣ этотъ оборотъ не имѣетъ мѣста, когда передано дѣйствительное обязательство, по которому полученіе должно послѣдовать. Но что же было въ данномъ случаѣ? Было ли это дѣйствительное обязательство? Были ли эти два переданныя обязательства и исполнительный листъ по займу въ 139,150 рублей, обезпеченному неустойкой въ 50,000 руб. и обязательству въ 125,000 платное на разработку $14^1/_{20}$ пріисковъ,—были ли эти обязательства дѣйствительныя? Повѣренные администраціи—я и мой товарищъ по веденію дѣла—какъ въ окружномъ судѣ, такъ и здѣсь, под-

держиваемъ то положеніе, что текстъ этихъ обязательствъ не соотвѣтствуетъ тому, что было въ дѣйствительности, что обстоятельства, при которыхъ были выданы эти обязательства, въ дѣйствительности не тѣ, которыя значатся въ этихъ договорахъ, и здѣсь я перехожу къ вопросу о примѣнимости 410 ст. уст. гр. суд. Дѣйствительно, *содержаніе* надлежащимъ образомъ совершенныхъ обязательствъ не можетъ быть опровергаемо свидѣтельскими показаніями въ то время, когда это содержаніе является безспорнымъ, выражающимъ опредѣленныя юридическія отношенія. Но здѣсь изъ текста этихъ обязательствъ далеко не явствуетъ того, чтобы въ дѣйствительности въ то время, когда г-жа Родственная находилась въ критическамъ положеніи въ смыслѣ матеріальномъ, чтобы баронъ Гинцбургъ далъ ей взаймы 400 т. руб. подъ разныя обязательства. И именно тотъ обычай, который существуетъ между золотопромышленниками и банкирскими конторами, ссужающими ихъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что эти обязательства выданы съ другою цѣлью—съ цѣлью взаимнаго обезпеченія по одному только существующему долгу. Такимъ образомъ, обстоятельства, при которыхъ возникли эти обязательства 19-го и 20-го ноября, въ дѣйствительности не тѣ, которыя значатся въ текстѣ договоровъ, и свидѣтели могутъ вполнѣ выяснить и удостовѣрить эти обстоятельства, могутъ выяснить это несоотвѣтствіе письменнаго договора съ дѣйствительностью.

Здѣсь мы можемъ провѣрить, дѣйствительно ли все это такъ было, и какъ скажутъ свидѣтели, такъ и будетъ, а въ противномъ случаѣ пострадаютъ интересы правосудія, заключающіеся въ томъ, чтобы возстановить истину по тѣмъ средствамъ, которыми мы располагаемъ. На сколько здѣсь безусловно непримѣнима 410 ст.? насъ есть предшествующая 409 ст., которая говоритъ, что свидѣтели могутъ быть допускаемы для удостовѣренія такихъ событій, для которыхъ, по закону, не требуется письменнаго удостовѣренія. Я полагаю, что если договоръ 20-го ноября 1875 года, по которому выданъ исполнительный листъ, и другой договоръ въ 125 т. р. юридически подъ сводъ законовъ не подходятъ, то очевидно сводъ законовъ не могъ установить для нихъ никакой формы, ни письменной, ни иной какой либо.

Слѣдовательно, эти contractus innominatus, существующіе во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ, эти договорныя отношенія въ письменной формѣ могутъ быть провѣрены путемъ свидѣтелей, такъ какъ законъ не дѣлаетъ для нихъ обязательнымъ удостовѣреніе въ письменныхъ актахъ. Быть можетъ преимущество русскаго гражданскаго права надъ западно-европейскимъ заключается въ небольшемъ числѣ именныхъ договоровъ, извѣстныхъ нашему праву и въ широкомъ развитіи договоровъ безъименныхъ.

Въ X т. I ч. мы найдемъ не болѣе 15, 16 типовъ именныхъ договоровъ, въ то время какъ саксонское гражданское уложеніе имѣетъ ихъ болѣе тридцати. Безъименные договоры не стѣснены въ способѣ ихъ доказыванія путемъ свидѣтелей, хотя бы они были заключены на письмѣ и засвидѣтельствованы надлежащимъ порядкомъ. Именные договоры (contractus innominatus) подчинены законнымъ формамъ и ограничены въ способахъ доказыванія. Отсутствіе этого ограниченія для множества договоровъ, создаваемыхъ потребностями дѣйствительной жизни и предусмотрѣнныхъ существующими законодательствами Россіи, — свобода доказыванія при сдѣлкахъ безъименныхъ, создаетъ для русскаго права вѣрное преимущество предъ западноевропейскимъ, ибо открываетъ широкій доступъ всѣмъ видамъ доказательствъ или способовъ обнаруженія истины на судѣ. Этой практики держится и Правительствующій Сенатъ, какъ это было указано въ поданныхъ мною палатѣ объясненіяхъ. Такимъ образомъ основаній для допроса свидѣтелей у насъ нѣсколько. Вопервыхъ, какъ третьи лица, какъ администрація, являющаяся не представительницей только должника, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельнымъ учрежденіемъ, мы вправѣ, согласно 410 ст., опровергать свидѣтелями силу договоровъ, заключенныхъ между Родственной и Гинцбургомъ, такъ какъ по силѣ ст. 410 только для лицъ, участвующихъ въ совершеніи договоровъ, содержаніе послѣднихъ не можетъ быть опровергаемо свидѣтелями, а мы являемся въ этомъ отношеніи посторонними, третьими лицами. Вовторыхъ, мы можемъ воспользоваться правомъ 409 ст.—удостовѣрить свидѣтельскими показаніями то, что по закону не требуется быть удостовѣреннымъ путемъ письменнаго акта. Наконецъ, есть дальнѣйшія основанія для провѣрки документовъ, насколько они соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Пусть свидѣтели скажутъ, что они соотвѣтствуютъ дѣйствительности и мы подчинимся рѣшенію суда, который на нихъ будетъ основываться! Но здѣсь является неясность, которая требуетъ выясненія и которая заставляетъ меня предъ вами утверждать и поддерживать ходатайство о допросѣ свидѣтелей, какъ представляющихъ единственный источникъ, по которому мы можемъ провѣрить, какъ въ дѣйствительности все это было при заключеніи трехъ договоровъ между Родственной и Гинцбургомъ въ ноябрѣ 1875 года. Противная сторона представила выпись изъ торговой книги, гдѣ сказано, что за г-жей Родственной въ 1876 г. числилось долгу всего 138,600 р., что указываетъ, что всѣ эти предшествующія обязательственныя отношенія 19-го и 20-го ноября въ дѣйствительности на 400 т. р. выданы, хотя въ дѣйствительности этого не было, потому что они сами признаютъ для себя обязательнымъ представить эту выпись. Что касается до этой выписи, то вѣрность ея ничѣмъ не удостовѣрена. Поэтому я ходатайствую о примѣненіи 534 ст. уст. гражд. судопр., т. е. прошу произвести провѣрку этой выписи съ книгами торговаго дома барона Гинцбурга за 1874—1875 года, гдѣ найдется указаніе по долгамъ, отнесеннымъ къ г-жѣ Родственной, какую

сумму въ дѣйствительности она получила отъ барона Гинцбурга.

Теперь мы знаемъ, что въ 1875 году три обязательства выданы г-жей Родственной барону Гинцбургу на сумму 400 т. р. и затѣмъ имѣемъ выпись, въ которой говорится, что долгъ Родственной равняется въ томъ же 1875 г. 138,600 р. не болѣе. Спрашивается, зачѣмъ же взяты такія обязательства? не есть-ли въ дѣйствительности это тройныя обязательства, изъ которыхъ одно только денежное? Противъ этого противная сторона не споритъ, она говоритъ: пусть будетъ такъ, но какой же ущербъ вамъ нанесенъ? Размѣръ причиненныхъ убытковъ—это послѣдній вопросъ, котораго я коснусь въ словесныхъ объясненіяхъ. Баронъ Гинцбургъ получилъ, по его собственному показанію, $6^1/_3$ паевъ, принадлежавшихъ г-жѣ Родственной въ удерейской золотопромышленной компаніи, оцѣненныхъ имъ въ 150 т. Такая сдѣланная имъ оцѣнка справедлива. Баронъ Гинцбургъ очевидно знаетъ торговыя дѣла, золотопромышленныя отношенія, такъ какъ онъ ссужалъ золотопромышленниковъ денежными средствами, знаетъ стоимость того, подъ обезпеченіе чего онъ давалъ деньги. Такимъ образомъ оказывается, что имущество въ $6^1/_3$ паевъ удерейской компаніи, показанное въ письменныхъ объясненіяхъ противной стороны въ 27 т. р., было оцѣнено въ 150 т. р. барономъ Гинцбургомъ въ 1875 г. Въ виду этого противорѣчія въ оцѣнкѣ стоимости $6^1/_3$ паевъ удерейской компаніи я просилъ палату допустить спросъ свѣдущихъ людей.

По этимъ $6^1/_3$ паямъ съ того времени, когда они поступили въ 1877 году къ барону Гинцбургу, по настоящее время онъ получилъ 81,900 р., какъ это видно изъ свѣдѣній, данныхъ управленіемъ удерейской компаніи. Въ настоящее время баронъ Гинцбургъ цѣнитъ эти пріиски, которые достались ему съ публичнаго торга за 27 т., по 8,000 р. каждый пай, итого 48 т. р. Такимъ образомъ мы имѣемъ три оцѣнки: 27,000 р., 82,000 р. и 48,000 р. перешедшаго къ Гинцбургу имущества Родственной. Далѣе мы знаемъ, на основаніи признанія барона Гинцбурга, что онъ получилъ отъ г. Берга 60 т. р. Слѣдовательно насчитывается болѣе 200,000 рублей, поступившихъ къ Гинцбургу по тремъ обязательствамъ Родственной. Г-ну Бергу уплачено администраціей 60 т. р. Сумма потерь изъ имущества Родственной возростаетъ до 260 т. р. Кромѣ того съ 1880 г. уплачено генераломъ Шанявскимъ болѣе 18 т. рублей. Такимъ образомъ является сумма около 300,000 рублей, вынутая изъ имущества Родственной по тремъ обязательствамъ отъ ноября 1875 г., заключеннымъ ею съ Гинцбургомъ.

И послѣ этого спрашиваютъ, какой же убытокъ понесла администрація Родственной? Когда приводятъ долгъ въ 138 т., а выручено по этому долгу барономъ Гинцбургомъ и выплачено г. Бергу и женѣ генерала Шанявскаго около 300 т., то очевидно тутъ есть убытокъ, который долженъ быть возмѣщенъ тому, кому имущество принадлежитъ. Кромѣ того, баронъ Гинцбургъ является кредиторомъ г-жи Родственной. Но отчего же другіе кредиторы не получаютъ наравнѣ съ барономъ Гинцбургомъ? Вѣдь баронъ Гинцбургъ долженъ получить наравнѣ съ другими кредиторами, т. е. не полнымъ рублемъ, такъ какъ онъ не есть преимущественный кредиторъ и долженъ получить удовлетвореніе по разверсткѣ наравнѣ съ другими, если же онъ получилъ уплату своего долга полнымъ рублемъ, то это сдѣлано въ ущербъ прочимъ кредиторамъ, въ ущербъ интересовъ самой должницы, которая уплатила ранѣе того, чѣмъ должна была по закону, такъ какъ при учрежденіи администраціи, законъ даетъ ей право разсрочки уплаты по обязательствамъ. Между тѣмъ баронъ Гинцбургъ удовлетворенъ немедленно и притомъ полнымъ рублемъ. Таковы эти убытки, понесенные администраціей и лицами, входящими въ составъ этой администраціи. Смѣю думать, что всѣ эти обстоятельства служатъ основаніемъ ходатайствовать о допущеніи допроса свидѣтелей для выясненія тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ были выданы Родственной три обязательства Гинцбургу.

Повторяю вкратцѣ главныя мои ходатайства предъ судебной палатой: почтительно прошу палату допустить экспертизу для опредѣленія дѣйствительной стоимости $6^1/_3$ паевъ удерейской компаніи.

Прошу дать мнѣ свидѣтельство на представленіе удостовѣренія с.-петербургскаго биржеваго комитета о существованіи обычая, по которому заимодавецъ, по согласію съ заемщикомъ составивъ нѣсколько долговыхъ обязательствъ по одному и тому же долгу,—даетъ ему обезпеченіе въ томъ, что взысканіе будетъ производиться по одному обязательству.

Прошу допустить допросъ свидѣтелей въ разъясненіе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершилась выдача обязательствъ г-жей Родственной барону Гинцбургу въ ноябрѣ 1875 года.

Присяжн. повѣр. Люстигъ. Я представлю свои объясненія только по одной части иска, относительно которой въ объясненіяхъ на апелляціонную жалобу сказано, что она не поддерживается нами, это именно по вопросу объ убыткахъ, происшедшихъ отъ удержанія бар. Гинцбургомъ маклерской записки, выданной ему въ 1875 г. наслѣдниками Бенардаки за поручительствомъ Родственной. Дѣло въ томъ, что я, какъ въ исковой, такъ и въ поданныхъ въ палату бумагахъ, утверждалъ, что въ общій разсчетъ, на основаніи котораго бар. Гинцбургъ взялъ съ Родственной три документа въ 1875 г., входили не только личный долгъ г-жи Родственной, но и долгъ Бенардаки, и въ удостовѣреніе этихъ отношеній я ходатайствовалъ допросить свидѣтелей, которые могли бы подтвердить, что дѣйствительно это было такъ. Мнѣ кажется, это признано отвѣтчикомъ въ судѣ и теперь въ палатѣ. Доказывается это и мировымъ договоромъ администраціи Родственной съ опекою Бенардаки, по которому всѣ разсчеты покон-

чены, за исключеніемъ только разсчета по маклерской запискѣ, по которой ничего не получено, потому что самой записки администрація Родственной представить не могла, такъ какъ она не была возвращена Гинцбургомъ. Онъ ее представилъ теперь въ судебную палату и повѣренный отвѣтчика доказывалъ, что Гинцбургъ никогда ею не пользовался. Были свѣдѣнія, что Гинцбургъ эту маклерскую записку представилъ въ опеку по дѣламъ Бенардаки и поэтому такое заявленіе сдѣлано въ состязательныхъ бумагахъ; въ опроверженіе такого предположенія, маклерская записка представлена къ дѣлу, какъ доказательство того, что онъ ей не придавалъ значенія и ею не пользовался. Такимъ образомъ, отвѣтчикъ признаетъ, что эта записка ему лично никакого права не даетъ, а должна принадлежать поручительницѣ. Удержавъ маклерскую записку у себя, Гинцбургъ нанесъ убытокъ какъ Родственной самой, такъ и ея администраціи, какъ это было указано товарищемъ моимъ по защитѣ. Маклерскую записку сопровождали векселя на 30,000 р. Какъ на запискѣ имѣется поручительство Родственной, такъ и на векселяхъ. Когда бар. Гинцбургъ получилъ 30,000 р., онъ отдалъ векселя Родственной, но маклерскую записку не возвратилъ. Разъ Родственная получила отъ Гинцбурга векселя, для чего же ей не была возвращена маклерская записка. Затѣмъ я долженъ обратить ваше вниманіе на то, что Гинцбургъ въ свой разсчетъ съ Родственною ввелъ не 30,000 руб., но значительно большую сумму. Маклерская записка была заключена на 5,500 полуимперіаловъ, считая по 5 р. 50 к. каждый. Когда Гинцбургъ выдавалъ деньги, онъ разсчитывался кредитными рублями. Когда эти полуимперіалы доставлены во время не были, они считались уже по курсу не по 5 р. 50 к., а по 6 р. 20 к., т. е. по 70 к. болѣе на каждый полуимперіалъ; независимо отъ этого, къ суммѣ долга были присоединены и проценты, такъ что долгъ Гинцбургу Родственной оказался уже не въ 30,000 руб., а значительно больше.

Если бы эта маклерская записка была своевременно возвращена въ администрацію Родственной, то при окончательномъ сведеніи счета съ наслѣдниками Бенардаки было бы принято въ основаніе то, что заплатила Родственная за опеку Бенардаки не только по векселямъ, но и по этой запискѣ. Я поддерживаю ходатайство о допросѣ свидѣтелей тѣмъ болѣе, что въ частной записочкѣ Гинцбурга о полученіи 30,000 р. сказано, что она выдается «впредь до разсчета». Какой это разсчетъ—и могутъ указать свидѣтели. Затѣмъ въ одной изъ бумагъ указывается на то, что если убытки произошли, то весьма незначительные, такъ какъ я хотѣлъ покончить это дѣло миромъ на небольшой суммѣ. Что касается этого указанія, то я долженъ удостовѣрить, что у насъ дѣйствительно были. переговоры объ окончаніи дѣла миромъ не отъ меня, впрочемъ, исходившіе; но я думаю, что это вовсе не доказываетъ, что не было убытковъ, а доказываетъ только то, что мы готовы были помириться и на небольшомъ вознагражденіи, чтобы избѣгнуть тяжелой и продолжительной тяжбы.

Присяжн. повѣр. Банкъ. Всѣ юридическія соображенія по настоящему дѣлу приведены въ моихъ объясненіяхъ, поданныхъ въ судебную палату; въ этихъ же объясненіяхъ приведены всѣ факты и обстоятельства дѣла. Поэтому и въ виду предваренія г-на предсѣдателя, я ограничусь лишь краткимъ возраженіемъ противъ объясненій, представленныхъ въ сегодняшнемъ засѣданіи повѣренными противной стороны. Мой противникъ, уважаемый членъ корпораціи, присяжный повѣренный Люстигъ, выразилъ удивленіе по поводу представленія мною въ судебную палату двухъ писемъ, имъ ко мнѣ адресованныхъ, относительно миролюбиваго окончанія дѣла, но я былъ вынужденъ къ этому въ виду пріемовъ, употребляемыхъ дѣятелями администраціи для невѣрнаго освѣщенія настоящаго дѣла и распространенія въ публикѣ оскорбительныхъ для чести, подрывающихъ достоинство, доброе имя и кредитъ моего довѣрителя, брошюръ, печатныхъ статей и проч. Имѣя дѣло съ упорно возводимымъ и всячески распространяемымъ обвиненіемъ моего довѣрителя въ томъ, что онъ посягнулъ на состояніе вдовы, лишилъ ее сотенъ тысячъ, чуть ли не пустилъ богатую золотопромышленницу по міру, то я не считалъ себя вправѣ не огласить писемъ моего противника, изъ которыхъ видно, что администрація Родственной и главный ея воротило, генералъ Шанявскій, были не прочь покончить дѣло и получить за сотни тысячъ убытковъ — скромную сумму—15—17 тысячъ рублей. Это пожеланіе было выражено уже послѣ неудавшагося третейскаго суда, уклоненіе отъ котораго также ставилось въ вину барону Гинцбургу. Но въ сегодняшнемъ засѣданіи мои противники, повидимому, больше не настаиваютъ на этомъ послѣднемъ пунктѣ обвиненія. Повторяю, у насъ не было другихъ средствъ освѣтить дѣло въ свѣтѣ настоящей борьбы. Возбудить противъ представителей извѣстнаго сорта прессы и ихъ подстрекателей обвиненія о диффамаціи и клеветѣ—но эти обвиненія доставили бы противникамъ лишь лишній поводъ къ закидыванію отвѣтчика грязью.

Перехожу затѣмъ къ существу дѣла. Для правильнаго разрѣшенія настоящаго дѣла намъ необходимо прежде всего оставаться въ предѣлахъ требованій и положеній, установленныхъ въ исковомъ прошеніи. Истецъ утверждаетъ, что независимо отъ выдачи Родственной трехъ нотаріальныхъ документовъ, состоялось между послѣднею и барономъ Гинцбургомъ словесное соглашеніе, въ силу котораго баронъ Гинцбургъ, получивъ удовлетвореніе по одному документу, не имѣлъ права воспользоваться другими, что онъ этого обѣщанія не исполнилъ, а передалъ два изъ этихъ документовъ полк. Бергу, что таковою передачей причинилъ администраціи Родственной убытокъ на сумму 125 тыс. руб., что не возвративъ Родственной маклерской

записки Бенардаки, съ поручительствомъ Родственной, баронъ Гинцбургъ причинилъ администрацiи еще разъ убытокъ въ суммѣ 15 тыс. рублей. Въ основанiе иска приведена истцомъ ст. 684 т. X, ч. I. Поддерживая въ сегодняшнемъ засѣданiи свои исковыя требованiя, повѣренные истца особенно останавливались на невозвращенiи барономъ Гинцбургомъ маклерской записки. Но прежде всего истцы ничѣмъ не доказали существованiя соглашенiя о возвратѣ маклерской записки, такое соглашенiе никогда не имѣло мѣста. Если бы такое соглашенiе дѣйствительно состоялось, то Гинцбургъ не имѣлъ никакого повода или интереса удерживать маклерскую записку. Затѣмъ въ настоящемъ засѣданiи повѣренный г. Борзенко, не довольствуясь цифрой и размѣромъ предъявленнаго иска въ 140 тыс. рублей, выражаетъ требованiе о присужденiи за невозвращенiе маклерской записки не 15 тыс. рублей, суммы, показанной въ исковой, а большей—22 тыс. рублей. Всѣ объясненiя противной стороны по этому предмету явно неосновательны и противорѣчатъ ст. 332 уст. гражд. суд. Размѣръ убытка прямо и положительно опредѣленъ въ исковомъ прошенiи и увеличенiю нынѣ ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ. Но и требованiе 15 т. въ видѣ убытковъ по маклерской запискѣ лишено всякаго основанiя. Отыскивая вознагражденiя за этотъ убытокъ истецъ долженъ былъ бы доказать, что онъ дѣйствительно ему причиненъ въ этомъ именно размѣрѣ и что онъ возникъ вслѣдствiе нарушенiя барономъ Гинцбургомъ договора или противозаконныхъ дѣйствiй послѣдняго. Ни одного изъ этихъ требованiй закона (ст. 684 т. X, ч. I) истцомъ не выполнено. За какiя дѣйствiя или упущенiя долженъ отвѣтствовать баронъ Гинцбургъ? За то, что онъ удержалъ маклерскую записку. Но маклерская записка у него оставалась послѣ окончанiя разсчета съ Родственной, онъ таковой не удерживалъ, а администрацiя по дѣламъ Родственной до предъявленiя къ моему довѣрителю въ 1882 г. настоящаго иска даже не потребовала возвращенiя ей этого документа, а въ предъявленномъ искѣ не домогалась возврата документа, а требовала и требуетъ вознагражденiе за убытокъ, происшедшiй отъ неправильнаго удержанiя маклерской записки. Никакого интереса или выгоды въ удержанiи этой записки баронъ Гинцбургъ не имѣлъ: она вошла въ составъ общаго разсчета по дѣламъ Родственной, никакихъ требованiй, ни къ Родственной, ни къ опекѣ Бенардаки Гинцбургъ не предъявлялъ и не могъ предъявлять. Но если бы администрацiя Родственной имѣла дѣйствительно надобность въ маклерской запискѣ и желала основывать на оной какiя-либо требованiя къ опекѣ Бенардаки, то она могла вполнѣ осуществить свои права, предъявивъ искъ къ опекунскому управленiю наслѣдниковъ Бенардаки, и указавъ при этомъ, что документъ, служащiй подтвержденiемъ ея правъ, находится въ рукахъ третьяго лица. По требованiю суда документъ былъ бы представленъ барономъ Гинцбургомъ къ дѣлу. Но администрацiя предпочла болѣе легкiй путь—вмѣсто иска къ опекѣ Бенардаки, взыскивать съ барона Гинцбурга убытки за удержанiе документа.

Изъ мировой сдѣлки, заключенной между опекой Бенардаки и администрацiею Родственной, представленной къ дѣлу истцомъ, судебная палата усмотритъ, что оба означенныхъ учрежденiя, сводя всѣ разсчеты по огромному количеству разнаго рода взаимныхъ векселей и другихъ долговыхъ обязательствъ, по отношенiю къ упомянутой маклерской запискѣ оговариваются: опека Бенардаки—что она никакихъ правъ за Родственной не признаетъ, а администрацiя Родственной—что она сохраняетъ за собою права по маклерской запискѣ. Возводя разныя обвиненiя противъ моего довѣрителя, истецъ не затруднялся утверждать до послѣдняго времени, что маклерская записка представлена барономъ Гинцбургомъ въ опеку Бенардаки. Лучшимъ аргументомъ противъ такого утвержденiя является представленiе мною при объясненiи въ судебную палату подлинной маклерской записи. Мои противники сегодня указали на невозможность съ ихъ стороны воспользоваться въ настоящее время маклерской запиской для иска противъ опеки Бенардаки, такъ какъ по этому документу окажется пропущенной земская давность. Но послѣднее обстоятельство не можетъ быть поставлено въ вину моему довѣрителю.

Настоящее дѣло оставалось въ окружномъ судѣ многiе годы безъ движенiя единственно по отсутствiю ходатайства противной стороны; назначено же было дѣло въ окружномъ судѣ къ слушанiю по просьбѣ моей, повѣреннаго отвѣтчика, такъ какъ баронъ Гинцбургъ пожелалъ поскорѣе положить конецъ дѣлу.

Перехожу затѣмъ къ главному требованiю 125 т. р. Несмотря на то, что баронъ Гинцбургъ съ своей стороны въ представленномъ мною въ судебную палату объясненiи подробно, ясно и съ документами въ рукахъ изложилъ всѣ обстоятельства дѣла, указалъ дѣйствительно существовавшiя юридическiя отношенiя между ними и Родственной, привелъ всѣ разсчеты, между ними происходившiе, несмотря на представленную выписку изъ торговыхъ книгъ банкирскаго дома, не оставляющую, кажется, никакого сомнѣнiя въ томъ, что долгъ Родственной Гинцбургу, признаваемый самой администрацiей, не уплаченъ сполна до настоящаго времени. повѣренные противной стороны тѣмъ не менѣе предъявляютъ сегодня рядъ новыхъ ходатайствъ: объ экспертизѣ, о допросѣ свидѣтелей, объ отряженiи члена палаты для осмотра торговыхъ книгъ барона Гинцбурга и т. д. Вчужѣ страшно становится, подумаешь, что мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ обвиненiемъ, по которому обвиняемый всячески старается скрыть слѣды своихъ дѣянiй, по которому требуется чуть ли не уголовное разслѣдованiе.

Если въ окружномъ судѣ я оставался пре-

имущественно на формальной почвѣ, возражалъ противъ допроса свидѣтелей и оспаривалъ правильность требованія предъявленія торговыхъ книгъ, то единственно потому, что не хотѣлъ выходить изъ предѣловъ иска, установленныхъ въ исковомъ прошеніи и ограничивался возраженіями противъ положеній и утвержденій истца. Истецъ, явно игнорируя дѣйствительныя обстоятельства дѣла, умалчивая о довѣренности Ливена, о состоявшемся между послѣднимъ и барономъ Гинцбургомъ соглашеніи относительно передачи документовъ Бергу, настаивалъ въ окружномъ судѣ на присужденіи съ моего довѣрителя 125 т. р. на томъ основаніи, что послѣдній, получивъ полное удовлетвореніе своего долга, не имѣлъ права передавать въ третьи руки документовъ и т. д. При такой постановкѣ и формулировкѣ исковыхъ требованій, я не считалъ себя обязаннымъ пойти на встрѣчу истцу, представлять доказательства и выяснять вопросы, которыхъ самъ истецъ не требовалъ и которыхъ онъ не касался.

Если противная сторона требовала торговыхъ книгъ барона Горація Гинцбурга за 1874 и 1875 гг., то я на это требованіе, сообразно съ истиной, заявилъ, что у барона Гинцбурга книгъ, лично ему принадлежащихъ за указанные года, не было и не могло быть, такъ какъ въ 1874 и 1875 гг. онъ былъ лишь участникомъ банкирскаго дома Гинцбургъ и комп., во главѣ котораго состоялъ въ то время отецъ отвѣтчика, что всѣ счеты по операціямъ, имѣвшимъ отношеніе къ банкирскому дому, проходили чрезъ книги послѣдняго. На книги же банкирскаго дома истецъ не только не указывалъ, но даже оспаривалъ, вопреки истины, существованіе какихъ-либо отношеній и разсчетовъ съ означеннымъ домомъ. Относительно допроса свидѣтелей я утверждалъ и теперь утверждаю, что ходатайство истца по сему предмету не подлежитъ удовлетворенію, какъ въ силу юридическихъ соображеній, приведенныхъ въ судѣ и въ моемъ объясненіи противъ апелляціонной жалобы, такъ и главнымъ образомъ потому, что нѣтъ никакой рѣшительно надобности въ допросѣ свидѣтелей. Въ виду данныхъ настоящаго дѣла, не могу признавать, чтобы ходатайство о допросѣ свидѣтелей имѣло цѣлью выясненіе дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла, которыя и безъ того установлены. Въ самомъ дѣлѣ, что желаютъ теперь установить путемъ свидѣтельскихъ показаній? Намъ говорятъ, что свидѣтели выяснятъ обстоятельства, сопровождавшія сведеніе разсчетовъ между Родственной и барономъ Гинцбургомъ. Но въ настоящее время въ виду судебной палаты имѣется выписка изъ торговыхъ книгъ, изъ которой видно, что къ концу 1876 года долгъ равнялся 138,600 руб. О томъ же, что баронъ Гинцбургъ, во время выдачи ему Родственною документовъ, изъявилъ согласіе, въ случаѣ уплаты ему въ срокъ сполна всей суммы долга, по одному документу, не требовать по остальнымъ, въ настоящее время нѣтъ спора между сторонами, да я и прежде никогда этого не отрицалъ. Весь споръ въ сущности сводится теперь къ тому, можетъ ли быть разсматриваемо предъявленіе одного изъ документовъ—закладной на $6^{1}/_{12}$ паевъ удерейской компаніи, какъ полученіе барономъ Гинцбургомъ сполна долга въ суммѣ 138,600 руб.

По утвержденію истца, упоминаніе въ закладномъ актѣ о томъ, что паи оцѣниваются въ 150 тыс. руб., равносильно признанію барономъ Гинцбургомъ, что въ случаѣ обращенія взысканія на паи, онъ долженъ быть почитаемъ получившимъ удовлетвореніе сполна долга. Откуда заимствуютъ мои противники это признаніе—мнѣ неизвѣстно. На самомъ дѣлѣ, паи никогда такой стоимости не имѣли и не могли имѣть. Если бы паи, по взаимному соглашенію сторонъ, должны были представлять такую цѣнность, то не было ни какого основанія, ни какой надобности давать и получать остальные обезпечительные документы. Представленныя же мною въ судебную палату данныя, кажется, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что паи никогда не могли имѣть указываемой цѣны: *они были проданы со вторыхъ торговъ за 28,500 руб.* Теперешняя ихъ стоимость, за которую баронъ Гинцбургъ согласенъ уступить ихъ администраціи Родственной, не превышаетъ 48 тыс. руб. Чистый доходъ по паямъ, если исключить хотя бы указанные проценты на сумму долга, за которую они остались у Гинцбурга, за всѣ 11 лѣтъ со времени покупки оныхъ съ публичнаго торга, не превышаетъ 3—4 тыс. руб. Но во всякомъ случаѣ для разрѣшенія спора въ томъ видѣ, какъ онъ мною приведенъ выше, нѣтъ никакой надобности въ допросѣ свидѣтелей. Правда, истецъ теперь уже утверждаетъ, что вопросъ о дѣйствительной стоимости и доходности паевъ, не имѣетъ въ сущности значенія. такъ какъ по смыслу словеснаго соглашенія баронъ Гинцбургъ, уже потому одному, что воспользовался однимъ документомъ, т. е. представилъ его ко взысканію и обратилъ въ продажу паи, уже не имѣлъ права пользоваться остальными обезпечительными документами. Но дѣло въ томъ, что это последнее объясненіе противорѣчитъ объясненію истца, приведенному въ исковомъ прошеніи. Въ исковой истецъ признавалъ за Гинцбургомъ право на полученіе имъ сполна долга, а не одно лишь право воспользоваться однимъ документомъ безразлично оттого, сколько имъ получено будетъ въ дѣйствительности по этому одному документу. Очевидно, только объясненіе, приведенное въ исковомъ прошеніи, имѣетъ смыслъ и значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если были выданы въ обезпеченіе три документа, то они должны были всѣ вмѣстѣ служить источникомъ удовлетворенія сполна долговой суммы въ срокъ. Допустимъ, что вмѣсто предъявленія закладной по взысканію, Гинцбургъ удовольствовался предъявленіемъ ко взысканію и обращеніемъ требованія въ администрацію объ уплатѣ долга по двумъ другимъ документамъ, получилъ ли бы онъ полное удовлетвореніе должной

ему Родственной 138 тыс. руб. не только въ срокъ, но и спустя 13 лѣтъ. Изъ представленныхъ истцемъ разсчетовъ администраціи видно, что ею уплачено кредиторамъ за 11-ти-лѣтнее ея существованіе всего около 7 копѣекъ на рубль. Вотъ, чтобы не попасть въ категорію подобныхъ кредиторовъ, Гинцбургъ и воспользовался тѣми обезпеченіями, которыя дала ему должница, и дала потому, что уже въ то время долги Родственной, какъ оказывается, вдвое или втрое превышали ея платежныя средства. Въ сегодняшнемъ засѣданіи одинъ изъ повѣренныхъ истицы поставилъ вопросъ: почему бар. Гинцбургъ долженъ имѣть преимущество предъ другими кредиторами Родственной. Другіе кредиторы, говоритъ г. Борзенко, ничего не получили, а бар. Гинцбургъ получилъ если и не полное удовлетвореніе, то гораздо больше остальныхъ кредиторовъ. Но вѣдь вопросъ не въ этомъ, а вопросъ въ томъ, имѣлъ ли бар. Гинцбургъ право извлечь изъ выданныхъ ему долговыхъ документовъ слѣдующій ему долгъ, нарушилъ ли онъ законныя права и интересы Родственной, получая то, что ему дѣйствительно слѣдовало къ полученію. Какъ уже неоднократно было указываемо, Родственная обязалась уплатить къ концу 1876 г. *слѣдовавшій съ нея долгъ 138,000 р., долга этого не уплатила, а бар. Гинцбургъ по всѣмъ тремъ документамъ получилъ не весь долгъ, а всего около 88,500 р.*, если принять въ основаніе продажную цѣну паямъ съ публичнаго торга 28,500 р. и сумму 60,000 р., полученную за уступку двухъ документовъ Бергу. Но если принять въ основаніе разсчета, вопреки справедливости, теперешнюю стоимость паевъ и чистую прибыль, полученную по паямъ, то насчитывая въ то же время % на сумму долга, полученныя бар. Гинцбургомъ суммы составятъ всего около 120,000 р. При такихъ обстоятельствахъ, какой смыслъ имѣютъ всѣ нареканія противъ бар. Гинцбурга, имѣютъ ли они хотя тѣнь справедливости? Далѣе, какое бы ни состоялось соглашеніе между Родственной и бар. Гинцбургомъ при выдачѣ документовъ, я указывалъ въ окружномъ судѣ и теперь утверждаю, что это соглашеніе во всякомъ случаѣ замѣнено было по наступленіи срока платежа, новымъ соглашеніемъ, состоявшимся между Гинцбургомъ и повѣреннымъ Родственной, Ливеномъ. Ливенъ имѣлъ право выразить согласіе на передачу акта 20-го ноября на 125,000 р. Содержаніе довѣренности, выданной Ливену Родственной 1-го сентября 1876 г., не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія; такъ, по этой довѣренности Ливену предоставляется право перезаключать заключенныя Родственною съ другими лицами условія, заключать новыя условія, выдавать неустоечныя записи, обезпечивать обязательства ея всѣмъ принадлежащимъ ей имуществомъ и т. д. Я указывалъ уже въ своихъ объясненіяхъ противъ апелляціонной жалобы, что Ливенъ являлся въ глазахъ Гинцбурга уполномоченнымъ Родственной, облеченнымъ всѣми правами, которыми только можетъ надѣлить довѣритель своего повѣреннаго. Къ дѣлу мною представленъ балансъ, *подписанной Родственной*, для предъявленія ея кредиторамъ на предметъ учрежденія администраціи, врученный ею Ливену. Этотъ балансъ имѣетъ весьма серьезное значеніе. На основаніи этого баланса въ маѣ 1877 г. учреждена при московскомъ коммерческомъ судѣ по дѣламъ Родственной администрація, существующая и по нынѣ, а въ пассивѣ этого баланса на первомъ планѣ фигурируетъ долгъ бар. Гинцбурга по акту въ 125,000 руб., причемъ долгъ показанъ перешедшимъ къ Бергу. Ни Родственная, ни ея администрація никогда этого баланса не оспаривали. Только теперь, по представленіи мною копіи съ него въ судебную палату, администрація Родственной выступила съ объясненіемъ, что Ливенъ былъ снабженъ бланкомъ Родственной для включенія впослѣдствіи въ него баланса. Такое объясненіе невѣроятно. Но если и повѣрить этому объясненію, то спрашивается, требуется ли лучшее подтвержденіе того, что Ливенъ явился въ Петербургъ въ концѣ 1876 года, для переговоровъ съ кредиторами Родственной, облеченный всѣми уполномочіями? Если довѣрительница рѣшилась дать своему повѣренному, т. е. Ливену, бланковую подпись для включенія баланса, согласно его усмотрѣнію, то, полагаю, большихъ правъ она своему повѣренному не могла предоставить. Я уже имѣлъ честь объяснить, что Ливенъ явился въ Петербургъ со спеціальною миссіею учредить по дѣламъ Родственной администрацію, такъ какъ въ теченіе 1876 г., т. е. того времени, когда она обязалась уплатить Гинцбургу долгъ въ размѣвѣ 138,000 р. и до наступленія срока платежа долга Гинцбургу дѣла Родственной пришли окончательно въ разстройство. Изъ сказаннаго баланса видно, что активъ Родственной равнялся 800,000 р., а пассивъ ея доходилъ до 1.700,000 р. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Ливенъ явился съ предложеніемъ Гинцбургу вступить членомъ проектируемой въ Петербургѣ администраціи. Вслѣдствіе отказа моего довѣрителя отъ этого предложенія Ливенъ предложилъ комбинацію получить по двумъ документамъ исполнительные листы, обратить взысканіе по одному изъ этихъ документовъ по закладной на паи, потребовать по нимъ публичной продажи и вырученныя отъ продажи паевъ деньги обратить на уплату части долга. Ливенъ по довѣренности Родственной явился въ судъ, призналъ иски правильными, и когда паи оказались проданными со вторыхъ торговъ за 28,000 р., то предложилъ Гинцбургу уступить остальные два документа московскому кредитору Родственной на весьма крупную сумму (около 500,000 р.) Бергу. Уступка эта и состоялась, какъ сказано выше, за 60,000 р. Уступленныя претензіи сослужили свою службу г-жѣ Родственной, онѣ пригодились при учрежденіи администраціи и вошли въ составъ большинства претензій кредиторовъ, ходатайствовавшихъ объ учрежденіи администраціи. Такимъ образомъ Родственная воспользова-

лась результатомъ соглашенія Ливена съ Гинцбургомъ, а теперь она же заявляетъ претензію противъ этого соглашенія. Оспаривая соглашеніе съ Ливеномъ, противная сторона утверждаетъ, что администрація по закону и по разъясненіямъ Сената является не представительницею должника, а представительницею кредиторовъ, что этой администраціи принадлежатъ особыя права, что администрація вправѣ оспаривать и не признавать для себя обязательными сдѣлки и договоры, заключенные должникомъ или его повѣренными до учрежденія администраціи. Въ объясненіи противъ апелляціонной жалобы мною приведенъ цѣлый рядъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго и 4-го департаментовъ Правительствующаго Сената, опровергающихъ теорію противной стороны. Администрація, представляя интересы кредиторовъ, въ то же время продолжаетъ дѣла должника, вступаетъ во всѣ его права и обязанности (ст. 1870 и слѣд. т. XI ч. 2). Если бы администрація доказала, что Родственная вошла въ противозаконную сдѣлку съ Гинцбургомъ, направленную ко вреду другихъ кредиторовъ, она несомнѣнно имѣла бы право домогаться уничтоженія подобной сдѣлки. Но споръ администраціи основывается лишь на томъ, что данною сдѣлкою, совершенною само по себѣ правильно и законно, остальнымъ *теперешнимъ* кредиторамъ Родственной причиняется убытокъ потому, что они делжны допустить къ участію въ удовлетвореніи изъ имущественной массы Родственной и документы, уступленные Бергу. Такой споръ очевидно неоснователенъ. Уступая документы Бергу, Гинцбургъ кредиторамъ Родственной не причинилъ никакого убытка и если для кредиторовъ было бы выгоднѣе, чтобы эти документы были въ свое время погашены или уничтожены, то это еще не даетъ имъ никакого права претендовать къ Гинцбургу. Въ 1875 году А. Родственная была лицомъ вполнѣ правоспособнымъ. Если бы Родственная выдала даже безденежные документы, но безъ противозаконной цѣли, отчудила бы безвозмездно свое имущество, то администрація не могла бы оспаривать силы и значенія такихъ документовъ и такого отчужденія, такъ какъ это право предоставлено по закону только конкурсу, въ случаѣ объявленія должника несостоятельнымъ. Если Родственная и ея администрація признавали документы, переданные Гинцбургомъ Бергу, недѣйствительными или безденежными, то онѣ обязаны были предъявить споръ противъ этихъ документовъ, потребовать признанія сихъ послѣднихъ недѣйствительными. Въ случаѣ признанія этого спора уважительнымъ, Бергъ имѣлъ бы право регресса къ Гинцбургу. Истецъ утверждаетъ, что не могъ предъявить спора противъ Берга и Шанявской, потому что они не принимали участія въ соглашеніи между Родственной и Гинцбургомъ. Послѣднее объясненіе совершенно невѣрно. Если документы были недѣйствительны въ рукахъ Гинцбурга, то они оставались такими же и въ рукахъ Берга и Шанявской, разбирать же достоинство лицъ разрѣшать вопросы о томъ, кто является добросовѣстнымъ или недобросовѣстнымъ владѣльцемъ документовъ не предоставлено компетенціи администраціи. Толкованіе противною стороной ст. 2058 т. X. п. I, какъ подробно развито въ моемъ объясненіи, тоже невѣрно. По недѣйствительному документу, лицо, выдавшее таковой, не обязано произвести платежъ въ случаѣ перехода онаго къ другому лицу. Исключенія изъ этого правила установлены только въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ, по отношенію къ векселямъ.

Но коль скоро администрація признала для себя обязательнымъ долгъ по спорному документу, приняла его къ исполненію, то за нею не можетъ быть признано право привлеченія первоначальнаго владѣльца документа къ отвѣтственности за передачу того же документа лицу, съ которымъ она же, администрація, вошла въ сдѣлку. Еслибъ Гинцбургъ не передалъ документа Бергу, а предъявилъ бы его въ администрацію Родственной, что должна была бы сдѣлать послѣдняя, въ видахъ огражденія интересовъ кредиторовъ и должницы? Разумѣется, устранить неправильное, по ея мнѣнію, требованіе и ходатайствовать предъ судомъ о признаніи недѣйствительности документа. То же самое администрація обязана была сдѣлать и по отношенію къ тому лицу, которое обратилось къ ней съ документомъ, переданнымъ Гинцбургомъ. Если администраціею этого не сдѣлано и не сдѣлано потому, что это нарушило бы интересы Шанявской, то само собою разумѣется, сдѣлка администраціи Родственной ст Шанявской никакихъ юридическихъ отношеній между администраціей Родственной и Гинцбургомъ породить не можетъ. Наконецъ, главное исковое требованіе—ходатайство о присужденіи съ Гинцбурга 125 т. р. истецъ основываетъ на приведенной выше ст. 684 т. X ч. I. Истецъ утверждаетъ, что передачею документа Бергу Гинцбургъ причинилъ администраціи Родственной убытокъ въ суммѣ 125 т. руб. Я не буду цитировать текста статьи 684 и не буду приводить кассаціонныя рѣшенія, относящіяся къ истолкованію 684 ст., такихъ рѣшеній насчитывается чуть ли не до двухсотъ. Для отысканія убытковъ по ст. 684 и на основаніи всѣхъ разъясненій Сената, требуется: 1) чтобы убытокъ былъ дѣйствительно причиненъ; 2) чтобы размѣръ убытка былъ установленъ и доказанъ, и 3) чтобы были на лицо условія, устанавливающія для даннаго лица отвѣтственность за отыскиваемый убытокъ. Ни одного изъ этихъ моментовъ, изъ этихъ трехъ главныхъ требованій закона въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ, никакого соотношенія между Родственною, администраціею Родственной и Гинцбургомъ не существуетъ по требованію, предъявленному Шанявской, никакого убытка собственно передачею документа Бергу Гинцбургъ администраціи не причинилъ и, наконецъ, размѣръ убытка ничѣмъ не доказанъ.

Въ исковомъ прошенiи говорится, что Гинцбургъ передачею документа Бергу причинилъ администрацiи Родственной убытокъ въ 125 т. р. Но истецъ рѣшительно ничѣмъ не доказалъ существованiя соглашенiя, въ силу коего Гинцбургъ вообще не имѣлъ права кому бы то ни было передавать документы, выданные ему Родственной. Такого соглашенiя не было, быть не могло, да оно и не имѣло бы никакого смысла. О существованiи такого соглашенiя впрочемъ и противная сторона прямо не заявляетъ, хотя искъ ея и построенъ на фактѣ причиненiя убытка вслѣдствiе передачи документа. Какой же убытокъ вообще причиненъ администрацiи Родственной передачею документа Бергу? По словамъ истца, убытокъ равняется суммѣ, обозначенной въ актѣ 20-го ноября, т. е. 125 т. руб. Но вѣдь между цифрою, показанною въ документѣ, и между дѣйствительно понесеннымъ убыткомъ, если вообще могла бы быть рѣчь о какомъ бы то ни было убыткѣ и объ отвѣтственности Гинцбурга за этотъ убытокъ, нѣтъ никакого соотношенiя. Если бы еще администрацiя Родственной уплатила Бергу или Шанявской, а то она уплатила за 11 лѣтъ своимъ кредиторамъ лишь 7 к. на рубль. Можно ли серьезно говорить при такихъ обстоятельствахъ о причиненiи администрацiи убытка въ 125 т. р.? Здѣсь предъ нами былъ приведенъ рядъ цифръ, которыя должны показать, чего лишилась администрацiя Родственной; указывалось, что она лишилась 125 т. р., которые она должна будетъ уплатить по акту Шанявской, 60 т. р. уплаченныхъ Бергу, 28 т. р., т. е. стоимости паевъ, и проч. Весь этотъ разсчетъ весьма странный и построенъ на неправильныхъ основанiяхъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ представленнаго мною въ объясненiи подробнаго, фактически доказаннаго, разсчета видно, что въ дѣйствительности стоятъ паи, какъ велика полученная по нимъ чистая прибыль и что въ концѣ концовъ Гинцбургъ до сего дня не получилъ даже сполна долга, признаннаго самимъ истцомъ въ исковомъ прошенiи. Какой странный прiемъ ставить въ счетъ Гинцбургу суммы, уплаченныя будто бы Бергу изъ суммъ администрацiи, при покупкѣ отъ него претензiи Шанявскою, доходы, полученные по купленнымъ имъ съ публичнаго торга паямъ, да еще за все время владѣнiя паями потому лишь, что настоящiй процессъ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенiя. А если настоящему дѣлу суждено длиться еще десятки лѣтъ и Гинцбургъ за это время получитъ по паямъ сотни тысячъ, развѣ они составятъ убытокъ администрацiи! А если вмѣсто барышей паи дадутъ убытокъ? Что же касается уплаты администрацiею Родственной Бергу 66 т. руб. при передачѣ имъ претензiи Шанявской, то этотъ платежъ, который также ставится въ счетъ Гинцбургу, по моему мнѣнiю, представляется неправдоподобнымъ. Въ подтвержденiе этого расхода, истецъ представляетъ удостовѣренiя Шанявской и Берга. Между тѣмъ, изъ удостовѣренiя Шанявской видно, что она получила въ 1882 году отъ администрацiи по всѣмъ переданнымъ ей Бергомъ документамъ дивидендъ 6,105 руб., а именно въ размѣрѣ 3-хъ коп. за рубль. Сопоставляя это удостовѣренiе съ разсчетнымъ листомъ выданнаго администрацiею своимъ кредиторамъ дивиденда за 1882 г., оказывается, что въ 1882 г., когда будто бы состоялась передача документа Бергомъ Шанявской и когда Бергъ получилъ будто бы отъ администрацiи 60 т. руб., дивидендъ по переданнымъ документамъ выплачивается Шанявской, какъ прiобрѣтательницѣ претензiи сполна безъ вычета 60 т. р. Ясно, что Бергу не уплачено 60 т. руб., по крайней мѣрѣ въ то время, къ которому администрацiя прiурочиваетъ этотъ платежъ.

Съ своей стороны Бергъ въ удостовѣренiи, выданномъ имъ администрацiи для предъявленiя суду, и въ надписи передаточной на нотарiальномъ актѣ умалчиваетъ о времени передачи имъ претензiи Шанявской и полученiя имъ изъ администрацiи денегъ. Наконецъ, уплата администрацiею одному кредитору 60 т. руб. въ то время, когда остальные кредиторы получили въ десятокъ лѣтъ всего 7% дивиденда, невѣроятна и потому, что она составляла бы прямое нарушенiе акта уполномочiя, выданнаго кредиторами администрацiи Родственной, устанавливающаго одинаковый порядокъ удовлетворенiя всѣхъ кредиторовъ по соразмѣрности. Но если дѣйствительно состоялась такая сдѣлка между Бергомъ, администрацiею Родственной и дочерью послѣдней, Шанявскою, то отвѣтственность за убытки, причиненные администрацiи подобными сдѣлками, ужъ ни въ какомъ случаѣ на Гинцбурга упадать не можетъ.

Въ заключенiе я долженъ обратить вниманiе судебной палаты на слѣдующее. Въ объясненiи противъ апелляцiонной жалобы я утверждалъ, что въ настоящее время Гинцбургъ хотя имѣетъ съ формальной стороны дѣло съ администрацiей Родственной, какъ съ особымъ юридическимъ учрежденiемъ, но что въ дѣйствительности администрацiя теперь состоитъ изъ двухъ, трехъ лицъ, стоящихъ весьма близко къ Родственной.

Я просилъ противную сторону опровергнуть это мое указанiе посредствомъ представленiя подлинныхъ книгъ, постановленiй общихъ собранiй кредиторовъ и проч. Администрацiя поспѣшила исполнить мое ходатайство, она представила разсчетные листы выданнымъ кредиторамъ дивидендамъ за 1882 по 1887 г., съ обозначенiемъ кредиторовъ. Что же оказывается? Во всѣхъ этихъ спискахъ и разсчетахъ понынѣ показаны кредиторами: торговый домъ I. Е. Гинцбургъ, баронъ Г. Е. Гинцбургъ, претензiи коихъ еще въ 1877 г. перешли къ Бергу, а отъ него къ Шанявской,— въ 1882 г., гг. Оларовскiй Матонинъ, Даниловъ и друг., которые, какъ видно изъ заявленiя, поданнаго повѣреннымъ администрацiи, Борвенко, въ судебную палату, прiобрѣтены гг. Шанявскими вскорѣ по утвержденiи администрацiи, Шанявская же показана за всѣ года кредиторшею въ первоначальной суммѣ 10 т. руб. Что же сiе означаетъ? Въ моихъ глазахъ это значитъ, что дѣйствитель-

но всѣ или почти всѣ претензіи скуплены и находятся теперь въ рукахъ близкихъ г-жѣ Родственной лицъ.

Въ настоящее время, да и во время предъявленія администраціею Родственной иска, администрація, по словамъ ея же повѣреннаго, являлась и является представительницею большинства кредиторовъ Родственной, Шанявской и Берга, т. е. тѣхъ самыхъ лицъ, кои, желая совершить выгодную аферу, пріобрѣли документы, выданные Родственною первоначально бар. Гинцбургу. Но если эти лица взыскиваютъ съ Гинцбурга убытки за передачу документовъ, ими же самими отъ него пріобрѣтенныхъ, то, не говоря уже о справедливости, такое требованіе едва ли представляется законнымъ. Поэтому имѣю честь покорнѣйше просить: рѣшеніе окружного суда утвердить.

Стороны обмѣнялись возраженіями, судебная палата удалилась для совѣщанія и вынесла резолюцію, которою опредѣлила: оставить въ силѣ рѣшеніе петербургскаго окружнаго суда отъ 16-го ноября 1887 года и возложить на истца судебныя издержки апелляціоннаго производства.

Въ окончательной формѣ рѣшеніе судебной палаты заключается въ слѣдующемъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло со всѣми имѣющимися въ дѣлѣ документами, с.-петербургская судебная палата находитъ: Въ исковомъ прошеніи повѣренный администраціи по дѣламъ Родственной, изложивъ обстоятельства, при которыхъ возникли отношенія тяжущихся, послужившія поводомъ къ предъявленію сего иска, говоритъ: «Передавъ же подполковнику Бергу договоръ на 125 т. р. не подлежавшихъ платежу, баронъ Гинцбургъ причинилъ администраціи по дѣламъ Родственной убытокъ въ этой суммѣ, ибо ей необходимо произвести платежъ долга, въ дѣйствительности не существующаго. Независимо отъ этого, баронъ Гинцбургъ, получивъ отъ Родственной, по поручительству ея за Бенардаки, маклерскую записку послѣдняго на продажу 5,500 полуимперіаловъ, ей не передалъ и тѣмъ лишилъ ее возможности получить изъ опекунскаго управленія по дѣламъ Бенардаки причитающіеся по этой запискѣ 15 т. р., въ каковой суммѣ администрація по дѣламъ Родственной несетъ убытокъ по винѣ барона Гинцбурга. Обѣ эти суммы убытковъ баронъ Гинцбургъ, по силѣ 684 ст. зак. гр., обязанъ вознаградить администрацію по дѣламъ Родственной». Такимъ образомъ, искъ администраціи основанъ: вопервыхъ, въ суммѣ 125,000 р. на передачѣ договора Бергу и, вовторыхъ, въ суммѣ 15,000 р., увеличенной затѣмъ на 22,500 руб. на передачѣ Родственной маклерской записки Бенардаки. Обсуждая обѣ эти части искового требованія въ отдѣльности, судебная палата останавливается на слѣдующихъ соображеніяхъ: А) относительно первой части 684 ст. I ч. X т. имѣетъ въ виду вредъ и убытокъ, причиненные дѣяніемъ, совершеннымъ вопреки волѣ и желанію лица потерпѣвшаго. Между тѣмъ оказывается, что послѣ надписи повѣреннаго Гинцбурга о передачѣ договора, заключеннаго 20-го ноября 1875 года, по содержанію котораго Гинцбургъ имѣлъ право получить отъ Родственной 125 т. р., Бергу, имѣется надпись повѣреннаго Родственной, Ливена: «на передачу сего акта согласенъ». Если это согласіе обязательно для администраціи по дѣламъ Родственной, то нельзя не признать, что настоящій искъ не находитъ себѣ оправданія въ 684 ст. Обязательность согласія Ливена для администраціи повѣренные сей послѣдней опровергаютъ, вопервыхъ, тѣмъ, что дѣйствія Ливена, какъ повѣреннаго Родственной, не обязательны для администраціи, какъ представительницы кредиторовъ Родственной, и, вовторыхъ, тѣмъ, что Ливенъ и отъ самой Родственной не имѣлъ уполномочія на передачу договора. Первое возраженіе представляется неосновательнымъ въ виду 1870 ст. уст. о торгов. несост., по которой администрація вступаетъ въ полныя права хозяина. Хотя администрація учреждается по требованію кредиторовъ и дѣйствуетъ по ихъ уполномочію, но, какъ призналъ и гражд. кассац. департ. Правит. Сената въ рѣшеніяхъ 1878 г., №№ 216 и 264, она является представителемъ не кредиторовъ, а самого должника, слѣдовательно всѣ дѣйствія должника, совершенныя имъ въ предѣлахъ правъ, принадлежавшихъ ему до учрежденія администраціи, для сей послѣдней вполнѣ обязательны. Во второмъ возраженіи приводится въ апелляціи то соображеніе, что «цѣль выданной Ливену 1-го октября 1876 года довѣренности — войти въ соглашеніе съ кредиторами Родственной объ отсрочкѣ платежа имъ долговъ, но принимать кого-либо въ компанію съ Родственною, для эксплоатаціи находившихся въ ея арендѣ пріисковъ, довѣренностью тою Ливену не предоставлено; передачею этою нисколько не мѣнялось положеніе Родственной: срокъ и обязательство тѣ же, только замѣнялся одинъ кредиторъ другимъ». Но по содержанію представленной къ дѣлу вышеупомянутой довѣренности Ливенъ былъ уполномоченъ войти въ переговоры съ кредиторами Родственной, причемъ ему было предоставлено право, въ случаѣ надобности, входить въ соглашеніе съ ними по отсрочкѣ, перезаключать заключенныя Родственною условія и заключать новыя. Затѣмъ изъ дѣла видно, что и Гинцбургъ, и Бергъ, въ одно и то же время состояли кредиторами Родственной, слѣдовательно Ливенъ, не нарушая предѣловъ даннаго ему уполномочія, могъ войти съ ними въ переговоры и соглашеніе, которые и окончились «перезаключеніемъ» договора о 125,000 руб. посредствомъ перемѣны личности одного изъ контрагентовъ передачею правъ Гинцбурга Бергу. Какія отъ этого могли быть послѣдствія, для настоящаго дѣла безразлично. Если въ результатѣ отъ передачи договора Бергу оказался ущербъ для Родственной, то передъ нею, въ гражданскомъ порядкѣ, отвѣчаетъ Ливенъ, но не Гинцбургъ, дѣйство-

вавшій при передачѣ договора съ согласія ея законно-уполномоченнаго. Независимо отъ обязательности для Родственной согласія Ливена на передачу договора Бергу, эта передача принята безъ всякихъ оговорокъ, какъ совершившійся фактъ, самою Родственною, въ подписанномъ ею балансѣ имущества и долговъ ея. Хотя со стороны истца противъ этого баланса представлено возраженіе, что онъ составленъ Ливеномъ на заранѣе подписанномъ Родственною бланкѣ, но это возраженіе ничѣмъ не подкрѣплено. Признавая по сему, что истцомъ не доказано, чтобъ Гинцбургъ, передавая Бергу договоръ, отъ 20-го ноября 1875 года, на 125,000 рублей, совершилъ дѣяніе, нарушающее гражданскія права Родственной, с.-петербургская судебная палата находитъ требованіе администраціи по дѣламъ сей послѣдней о взысканіи съ Гинцбурга вознагражденія за убытки, послѣдовавшіе, будто бы, для Родственной и ея администраціи отъ этой передачи, не подлежащимъ удовлетворенію. При такомъ разрѣшеніи спора тяжущихся нѣтъ надобности въ разъясненіи, посредствомъ допроса указываемыхъ со стороны истца свидѣтелей, тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ былъ заключенъ, вмѣстѣ съ двумя другими договорами, договоръ на 125,000 р. и которыя, по мнѣнію истца, лишали Гинцбурга права что-либо требовать съ Родственной по этому послѣднему договору, а также въ опредѣленіи той суммы, которую Гинцбургъ получилъ въ удовлетвореніе всего долга въ 139,150 руб., обезпеченнаго всѣми тремя договорами. Б) Относительно второй части иска: присоединеніе къ настоящему дѣлу требованія о вознагражденіи за непередачу маклерской записки объясняется тѣмъ, что долгъ Родственной Гинцбургу въ 139,150 р., по поводу котораго было заключено три отдѣльныхъ договора на 139,150 р., на 138,600 р. и на 125,000 р., образовался по разсчету, въ который вошелъ и долгъ Бенардаки въ 30 т. р. по маклерской запискѣ, обезпеченной поручительствомъ Родственной. По объясненію повѣренныхъ истца, сверхъ поручительной подписи Родственной на маклерской запискѣ, въ дополнительное обезпеченіе полученныхъ по сей запискѣ отъ Гинцбурга 30 т. р. были выданы векселя на 30 т. р. съ бланкомъ Родственной, оплаченные, по неисправности Бенардаки, Родственною; но, возвративъ векселя, Гинцбургъ удержалъ у себя маклерскую записку, лишивъ тѣмъ Родственную возможности получить отъ опеки Бенардаки 5,500 полуимперіаловъ, стоющихъ по нынѣшнему биржевому курсу 52,250 р., т. е. на 22,250 р. болѣе 30 т. р. Въ представленной къ дѣлу копіи съ мировой записи, заключенной 21-го октября 1882 года между опекунскимъ управленіемъ надъ имуществомъ и дѣлами наслѣдниковъ Бенардаки и администраціей по дѣламъ Родственной о прекращеніи взаимныхъ разсчетовъ, сказано: «Девятое: настоящая запись не касается упомянутой во второмъ пунктѣ лит. В., выданной наслѣдниками Д. Е. Бенардаки I. Е. Гинцбургу, 15-го марта 1875 года, маклерской записки на продажу золота пяти тысячъ пяти сотъ полуимперіаловъ на срокъ 15-го октября того же 1875 года потому, что администрація считаетъ, что претензія А. И. Родственной къ наслѣдникамъ Д. Е. Бенардаки по этой запискѣ еще не погашена и оставляетъ за собою право иска по этой претензіи, опекунское же управленіе съ своей стороны не признаетъ за А. И. Родственною и учрежденною по дѣламъ ея администраціею никакого права простирать какія-либо претензіи къ наслѣдникамъ Д. Е. Бенардаки по означенной маклерской запискѣ». Оказывается, слѣдовательно, что еслибъ даже маклерская записка была въ рукахъ Родственной или ея администраціи, то не такъ еще просто было получить отъ опекунскаго управленія Бенардаки 5,500 полуимперіаловъ, и одно нахожденіе означенной записки въ рукахъ Гинцбурга не даетъ администраціи права требовать отъ сего послѣдняго, какъ виновника невозможности представленія ея администраціею въ опекунское управленіе того, чего онъ не получилъ бы и отъ самого управленія. Посему судебная палата признаетъ, что не дѣяніе Гинцбурга, заключающееся въ оставленіи имъ у себя маклерской записки наслѣдниковъ Бенардаки, отъ 15-го марта 1875 года, лишаетъ истца возможности получить 5,500 полуимперіаловъ, а слѣдовательно онъ, Гинцбургъ, и не обязанъ возмѣщать убытокъ, который истецъ, по его объясненію, терпитъ отъ неполученія ихъ. Засимъ представляется совершенно не нужнымъ разъяснять обстоятельства, при которыхъ Родственная поручилась за Бенардаки и порядокъ принятія ею на себя этого поручительства, а также того, получилъ ли Гинцбургъ что-либо отъ опекунскаго управленія Бенардаки по маклерской запискѣ и такимъ образомъ допросъ указываемыхъ для этой цѣли повѣренными истца свидѣтелей, а также истребованіе удостовѣренія отъ биржевого комитета объ обычаяхъ, установившихся при выдачѣ ссудъ подъ золото, оказывается излишнимъ. На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній, с.-петербургская судебная палата, руководствуясь притомъ 684 ст. I ч. X т. и 366 и 868 ст. уст. гр. суд., **опредѣляетъ**: оставить въ силѣ рѣшеніе с.-петербургскаго окружного суда отъ 16-го ноября 1887 года и возложить на истца судебныя издержки апелляціоннаго судопроизводства.

